

18+

ОЛЬГА КВИРКВЕЛИЯ

ИДТИ
ИСЧЕЗНУВШИМ
СЛЕДОМ...

Ольга Квирквелия

Идти исчезнувшим следом...

«Издательские решения»

Квирквелия О.

Идти исчезнувшим следом... / О. Квирквелия — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-672628-4

Научно-популярное изложение основных проблем методологии истории как науки, ее понятий и критериев. Полезна студентам-историкам.

ISBN 978-5-00-672628-4

© Квирквелия О.
© Издательские решения

Содержание

Ольга Руслановна Квирквелия	6
Идти исчезнувшим следом...	7
Очерки методологии истории	7
Оглавление	8
Очерки методологии истории	10
БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ (субъекты истории)	11
«АВТОРА! АВТОРА!»	11
«ЧТО В ИМЕНИ ТЕБЕ МОЕМ?..»	15
КОЛЕСО, СТРЕЛА И ТОЧКА	23
«ОН МЕНЯ СОСЧИТАЛ!»	26
«АЛЬФА И ОМЕГА, НАЧАЛО И КОНЕЦ»	29
ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА НАЧАЛАСЬ В 1914 ГОДУ	33
ВРЕМЯ И ВЕЧНОСТЬ	36
СУЩЕСТВУЮТ ЛИ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ	41
«НАЛЕВО ПОЙДЕШЬ...»	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Идти исчезнувшим следом...

Ольга Квирквелия

© Ольга Квирквелия, 2025

ISBN 978-5-0067-2628-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Table of Contents

Ольга Руслановна Квирквелия

Идти исчезнувшим следом...

Очерки методологии истории

Основные понятия и методы исторической науки в популярной форме на основе авторских исследований – от археологии до брачных объявлений. Для широкого круга читателей, интересующихся историей как наукой, и специалистов.

Оглавление

Идти исчезнувшим следом...
ИДТИ ИСЧЕЗНУВШИМ СЛЕДОМ Очерки методологии истории
БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ (субъекты истории)
«АВТОРА! АВТОРА!»
«ЧТО В ИМЕНИ ТЕБЕ МОЕМ?..
«Я ТЕБЯ СЛЕПИЛА ИЗ ТОГО, ЧТО БЫЛО...»
КОЛЕСО, СТРЕЛА И ТОЧКА
КАКОЕ БЫВАЕТ ВРЕМЯ
«ОН МЕНЯ СОСЧИТАЛ!»
«АЛЬФА И ОМЕГА, НАЧАЛО И КОНЕЦ»
ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА НАЧАЛАСЬ В 1914 ГОДУ
ВРЕМЯ И ВЕЧНОСТЬ
СУЩЕСТВУЮТ ЛИ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ
«ПОСЛЕ РАДОСТЕЙ НЕПРИЯТНОСТИ...»
«НАЛЕВО ПОЙДЕШЬ...»
ПОЧЕМУ РОССИЯ НЕ ВХОДИТ В СОСТАВ ФРАНЦИИ
«ЭТО БЕРЕМ, ЭТО НЕ БЕРЕМ»
ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ
ПОМНИШЬ ЛИ ТЫ..?
СВОЙ СРЕДИ СВОИХ
ВЕЛИКАЯ БОГИНЯ КЛИО
ЦАРСТВО ТЕНЕЙ
СЛЕДЫ НА НЕДОМЫХ ДОРОЖКАХ
СЛОЕННЫЕ ПИРОГИ И ЛЕПЕШКИ
И ЭТО, ПО--ВАШЕМУ, МЕДОРЕЗКА?
НЕОПОЗНАННЫЙ ПРЕДМЕТ КУЛЬТОВОГО НАЗНАЧЕНИЯ
АРХЕОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОСТИ
БЛИКИ В КРИВЫХ ЗЕРКАЛАХ
ТЫ СКАЖИ, ТЫ СКАЖИ, ЧЁ ТЕ НАДО, ЧЁ ТЕ НАДО...
КУПЛЮ РВАННЫЕ ЖЕНСКИЕ САПОГИ
ЗНАЧИМОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ
– ЕЩЕ ОБ АРХЕОЛОГИИ
КАК ПОЛЕЗНО ЧИСТИТЬ КАРТОШКУ
СУНДУК МЕРТВЕЦА
ПОСЛЕДНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
БЫЛА ЛИ В РАЮ ГЛИНА
КНЯЗЬЯ И ИЗГОИ (у истоков государства российского)
НАСЛЕДНИКИ ПО КРИВОЙ
КАК ЗВАЛИ РОСТИСЛАВА ИЗЯСЛАВИЧА?
ШАНСЫ НА СВЯТОСТЬ
«ПОСТАВИЛ МЯ ПОПОМ АРХИЕПИСКОП НИФОНТ»... (Новгород XII в.)

О ЧЕМ УМОЛЧАЛ ЛЕТОПИСЕЦ
ПОСОЛ И ИГУМЕН
ДАНИ ПЕЧЕРСКИЕ И ОТ СМОЛЕНСКА ДАР
ЛЮБОПЫТНЫЙ КИРИКА

МНИШЕК И МОНАШЕК (Смутное время)
ИНО СКАЗАНИЕ ИЛИ ИНО ВИДЕНЬЕ
А БЫЛ ЛИ МАЛЬЧИК?
НЕ ЖАЛЕЯ КОШТУ
СОГЛАСЕН ПОЗНАКОМИТЬСЯ... (брачные объявления)

РЫНОК НЕВЕСТ
СИМПАТИЧНАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА ИЩЕТ МУЖА
СИНЯЯ БОРОДА
СПРОС И ПРЕДЛОЖЕНИЕ
О ПОЛНОТЕ ВРЕМЕН
ЭСХАТОЛОГИЧЕСКАЯ МЕТАФИЗИКА
ЦИВИЛИЗАЦИЯ ЛЮБВИ
КУДА ИДЕМ МЫ С ПЯТАЧКОМ
ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Очерки методологии истории

БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ (субъекты истории)

«АВТОРА! АВТОРА!»

Еще когда я была школьницей, меня очень интересовал весьма странный вопрос. Тогда повсюду -- на улицах и площадях, в школах и кинотеатрах было развешено множество лозунгов. Так вот, меня очень занимало, кто же был автором этих высказываний. Кто сказал: «Народ и партия едины»? Кто это восклицает: «Слава КПСС»?

А однажды я увидела надпись «Наша цель -- коммунизм», и это заставило меня предпринять целое исследование. Прежде всего, я точно знала, что лично у меня совсем другая цель. Более того, мне казалось, что и у всех окружающих аналогичное положение. Проведя блиц-опрос, я в этом убедилась и отправилась к учительнице. Она была уверена, что автор этого высказывания -- народ, чем еще больше изумила меня. Ведь если ни я, ни все, меня окружающие, подписаться под лозунгом не можем, значит, мы -- не народ. А кто же тогда народ?.. Или мы все-- таки народ, просто тот, кто сочинил текст, неправильно понял наши цели или сознательно их исказил?..

Вот с тех пор мне и хочется понять, что такое социум. И еще: мы часто говорим: «Власть предприняла шаги...», «Государство построило...» А кто это? С одной стороны очевидно, что любой социум, любая группа людей состоит из отдельных личностей. С другой -- он обладает некоей надличностной реальностью, более того, надличностной ментальностью. Он существует как единый организм, несмотря на то, что отдельные личности отнюдь не чувствуют с ним единства. И хотя у разных членов общества по-разному складывались отношения с партией -- от лобзаний взасос до ГУЛАГа, -- народ и партия все равно были едины.

И тем не менее социум -- это не виртуальная реальность. Это группа людей, объединенны -- сознательно или формально -- по какому-либо признаку. А что касается того, какие у нее взгляды или цели, то это определяется преобладающим вектором. Например, если в группе 20% говорят «да», а 80% -- «нет», то мнение группы -- «нет». Историк М. Блок писал, что общество, как его ни рассматривай, в конечном счете пусть и не сумма, но по меньшей мере продукт индивидуальных сознаний. Но не все так просто. Мнение разных членов группы имеет разный вес. Если ввести единицу измерения -- «один рядовой голос», то можно попытаться составить систему мер. Депутат «весит» столько, сколько него избирателей, а президент-- столько, сколько «взвешенных» голосов депутатов нужно для импичмента. А представляете, сколько «весит» один удачливый киллер?..

Но теперь о другом. Что же объединяет людей в группы? Принципы объединения могут быть врожденные и приобретенные, люди могут присоединяться к группе сознательно и формально и пр. При этом каждый человек входит в состав огромного числа групп. Я, например, вхожу в состав групп женщин, людей с высшим образованием, гуманитариев, научных сотрудников, историков, россиян, горожан, москвичей, полукровок, католиков и так далее.

И если с принципами объединения стартовые положения более или менее понятны, то границы социальной группы определить значительно сложнее. Например, как определяется гражданство -- по месту рождения? А если мама просто была в этой стране в командировке? По месту постоянного жительства? Тот же вопрос. Вам может показаться, что ответ предельно прост -- по отметке в паспорте. Но ведь я хочу понять, какая реальность стоит за этой отметкой, что именно она фиксирует.

Границы социума особенно важны, если учесть, что радикально он определяется не тем, что его объединяет, а тем, чему он противопоставлен. Если нет противопоставления, то нет и базы для единства. «Мы» определяется прежде всего в сопоставлении с «они». Соответственно, границы социума тем жестче, чем однозначнее выбор принадлежности к «нам» или к «ним».

Возьмем для начала признак «национальность». Лично я совершенно не понимаю, что это такое: если это некое врожденное качество, полученное от родителей, то что делать, если родители -- разных национальностей (а последние десятилетия это случается все чаще)? Если родной язык -- то это не врожденное качество, а некий ситуативный параметр. Если общность культуры, то для ее описания требуются какие--то другие определения.

Я, например, всю жизнь прожила в Москве -- это город какой национальной культуры? Один мой дед полугрузин -- полу--украинец, а второй -- русский; одна бабушка -- полуполька -- полунемка, вторая -- полурусская -- полу--украинка. Родной язык -- русский, но детство провела в Грузии и к ее традиционной культуре испытываю значительно более теплые чувства, чем к традиционной русской. И по паспорту я грузинка. Так кто я по национальности? К какой общности я должна себя причислять?

Гораздо более доступен географический признак. Люди, живущие на одной территории, связаны не только какими--то формальными параметрами, но и реальными общими тревогами и заботами. И если я не уверена в наличии у себя национальности, то в том, что я -- москвичка -- убеждена. Так же, как и в том, что европейка. И землянка. Я безусловно принадлежу к этим группам прежде всего потому, что мне не безразлична их судьба, и я готова принимать участие в ее формировании. Это реальные социумы -- для меня.

Но необходимо отметить, что для кого--то другого ситуация может быть прямо противоположной: «русскость» окажется значительно важнее «европейскости». Далеко ходить за примерами не придется -- это все члены националистических сообществ, хотя, конечно, не только они.

Также более или менее доступен пониманию признак вероисповедания. Человек, как правило, знает во что он верит и какой храм посещает. Правда, иногда он не столько сознательно принадлежит к какой--либо Церкви, сколько следует традициям семьи, но и в этом случае он знает, как она называется. Другой вопрос -- что такое вероисповедание. Известно, что большинство населения региона с какой--либо доминирующей религией причисляют себя именно к ней, зачастую не зная основ вероучения и не посещая богослужений. Так, в России 42% причисляют себя к православным, но только 3--5% являются «воцерковленными», среди остальных многие не могут ответить на простейшие вопросы или прочесть наизусть хоть одну молитву.

Но сложнее с теми, кто считает себя не принадлежащими ни к одной конфессии или религии. Традиционно они называются атеистами, однако внутри этой группы есть весьма значительные различия. Ф. Достоевский говорил, что истинный атеист -- не тот, кто считает, что Бога нет, а тот, кого вопрос Его существования абсолютно не интересует. Но есть еще и «богоборцы» и те, кто верят «во что--то», но не знают, во что.

Кстати, любопытно, что о существовании этих групп регулярно забывают -- говоря о свободе вероисповедания, не учитывают свободы такового не иметь.

Политические группы легко определяются на нижнем уровне -- на уровне партий или местной власти. А вот когда речь заходит о таких общих понятиях, как страна, народ, государство, власть, все осложняется. Я россиянка не только по месту жительства и записи в паспорте, но и по общности судеб -- моей и моих близких -- с судьбой России, общности прошлого, истории. Но вот вхожу ли я в состав народа -- не знаю. Во всяком случае, мне никогда не удастся проголосовать за того, кто будет народным избранником, или ответить на референдуме так, как ответит большинство.

Но больше всего я не люблю нападков на власть и государство. Не потому, что я такая добродорядочная гражданка. Просто я считаю, что принять то или иное решение и нести за него ответственность может Иванов, Петров или Сидоров, или все они вместе, но не абстрактные олигархи, реформаторы, левые или правые. Манипулирование обобщенными понятиями позволяет уйти от ответственности. И это стоит иметь в виду.

А вот классовая принадлежность на сей день абсолютный анахронизм. Когда--то классы определялись по отношению к собственности и к продукту производства, да и то весьма расплывчато. В обыденном сознании советского периода все было довольно просто: крестьяне -- те, кто живет в деревне, рабочие -- горожане, занятые физическим трудом, и прослойка -- интеллигенция -- люди, занятые умственным трудом. Здесь речь уже не шла об отношении к собственности или к продукту производства, но зато было понятно, кто в какую общность входит. Но и классовая борьба как двигатель прогресса куда--то делась.

Сегодня, доведись нам отвечать на такой вопрос в анкете, многие бы испытали известные сложности. Появившееся не так давно определение «средний класс» дает широкие возможности интерпретации: средний между богатыми и бедными? между городскими и деревенскими? между представителями умственного труда и физического? Конечно, скорее всего первое, но...

А вот с профессиональной принадлежностью значительно проще. Как, казалось бы, должно быть и с образованием. Но сейчас диплом можно купить в любом переходе, а если совесть все же есть, то получить его на коммерческих факультетах. И мы опять оказываемся перед уже знакомым вопросом: что важнее -- формальный показатель или реальный? В брачных объявлениях, о которых мы будем еще много говорить, встречаются два варианта самоописания -- «с образованием» и «образованный». По--моему, это именно о разнице формального и реального.

И очевидно, что диплом и образованность далеко не всегда совпадают. Любопытно, что аргументом могут служить различные интеллектуальные игры на телевидении -- такие, как «Своя игра», «Кто хочет стать миллионером», «Поле чудес» и прочее. В них далеко не всегда выигрывает тот, чей официальный уровень образования выше.

Так же очевидными кажутся группировки по возрасту -- мне именно столько лет, сколько мне лет. Правда, в реальности речь идет не о конкретном астрономическом возрасте, а о принадлежности к детям, подросткам, юношеству, молодежи, людям среднего возраста или пожилым. А вот это уже значительно более расплывчато. Существуют физиологические признаки отнесения человека к той или иной возрастной группе, но мы уже говорили, что в истории должны «работать» признаки социальные.

Теоретически основания для выявления таких признаков есть: например, жизнь на полном обеспечении родителей (детство), на частичном обеспечении (студенчество), на самообеспечении, способность иметь иждивенцев (прежде всего детей), жизнь на гособеспечении (пен-

сионеры). Это, конечно, только мысли вслух, а не проработанные предложения, но все же, пожалуй, лучше, чем половое созревание или выход из детородного возраста.

Но если вспомнить о ведущихся разработках в области клонирования и предположить, что эти разработки будут успешными, то мы встанем перед еще одной проблемой: должен ли возраст клона исчисляться с момента клонирования или с момента рождения объекта клонирования? Но, слава Богу, эта проблема пока не актуальна.

Из всего сказанного понятно, что социумы имеют некую структуру -- по мере общности прежде всего. Но не только. Я уже мельком упоминала об индивидуальной значимости той или иной группы. Также уже говорилось о том, как определяется мнение социума. А отсюда следует, что человек может быть членом некой группы -- причем не формально, а реально, -- но настолько не придавать этому никакого значения, что вектор его мнения и тем более вклада в функционирование группы стремится к нулю.

Иногда это хорошо, когда сам по себе социум отмирает и активное участие в нем сходно с гальванизацией трупа, или когда для принятия решения требуется все же некий профессионализм -- кажется, мы уже поняли, что когда кухарка управляет государством, хорошо только кухарке, да и то недолго.

Но чаще все же плохо. При массовой пассивности принятие решения попадает в руки ограниченного круга людей. И если они принимают не те решения, которые нам нравятся, то не сами ли мы виноваты?..

И напоследок -- о размерах социумов. На сей день максимально допустимый размер социума -- человеческая популяция, объединившаяся на базе противопоставления всему окружающему миру. Однако теоретически можно себе представить, что когда-нибудь будут налажены контакты с внеземными цивилизациями и тогда будут возможны значительно более крупные социумы. Но пока это из области фантастики.

А вот минимальный размер социума -- личность. Это кажется противоречием как по общему смыслу, так и по сделанному выше утверждению, что историю отдельный человек не интересуется. Но я говорю об особых личностях -- тех, которые являются единственными представителями группы -- например, царь, президент, генеральный секретарь. Вот об этих личностях мы и поговорим в следующем разделе.

«ЧТО В ИМЕНИ ТЕБЕ МОЕМ?..»

Роль личности в истории -- не только предмет острых дискуссий историков всех времен и народов, но и индикатор их социальной позиции. Для советских историков, опиравшихся на труды классиков марксизма--ленинизма, вопрос, казалось бы, был решен. И тем не менее в конкретных исследованиях то и дело проскальзывал знакомый лик персонификации истории.

Ярчайший пример тому -- лавинообразный поток публикаций, порожденный новым этапом развенчания культа личности Сталина. Был ли Сталин параноиком? Мучил ли он животных? Любил ли детей? -- такие вопросы кочевали из газеты в газету, из журнала в журнал. Честно, говоря, я давно уже не стремлюсь узнать на них ответы. Меня значительно больше интересует другое -- каким же был тот народ, который оказался достоин такого правителя? Но вот об этом публикаций было очень мало.

В предыдущем разделе я уже упоминала о том, что отдельный человек входит во множество различных социальных групп. Каждая группа обладает своей нормативной системой -- набором правил, действие которых распространяется на всю социальную группу.

Каждый индивид, равно как и любая социальная группа, является носителем совокупности установок, и его действия детерминированы совокупностью нормативных систем тех групп, в состав которых он входит.

В силу этого правомерно поставить перед собой два вопроса: 1 -- есть ли у человека свобода выбора, причем реальная, а не существующая лишь в его воображении и 2 -- решается ли первый вопрос в рамках исторической науки.

Выбор предполагает наличие объектов выбора, причем осознаваемых таковыми, ведь зачастую у человека есть выбор, и со стороны это видно, но он ощущает ситуацию как безвыходную. Важны также критерии выбора и его цели -- человек хочет, чтобы было больше или лучше, дольше или интенсивней. Существуют и различные процедуры выбора -- логические построения, гадание, обмен мнениями.

Современная дискуссия проходит, в основном, вокруг объектов выбора -- можно ли было пойти другим путем? Изредка они затрагивают тему критериев и целей выбора. При этом в качестве критериев выбора выдвигается максимизация человеческого блага при минимизации человеческих издержек, т. е. весьма размытый критерий: каков допустимый минимум блага и максимум издержек -- например, если у всех по полкило колбасы в день, но сотни тысяч человек в лагерях, это как, приемлемое соотношение? или надо, чтобы было по килограмму колбасы и 200 грамм масла?

Впрочем, есть и более принципиальный вопрос: что вообще такое человеческое благо и кто имеет право отвечать за нас на этот вопрос?

Сложно обстоит дело с тем, кто выбирает, с субъектом выбора. Под ним понимается, в явном или неявном виде, либо лидер -- конкретная личность, наделенная властью, либо общество в целом, в совокупности выборов его членов. В любом случае речь идет о личном выборе. Но в таком случае процедура выбора -- объект изучения психологии, а не истории. И вопрос о том, мог ли данный субъект сделать в данной ситуации иной выбор, прямого отношения к истории как науке не имеет.

Поэтому разговор о свободе выбора неизбежно сводится к обсуждению роли лидера. А лидер, как и любой другой человек, в меру своих способностей осознает или даже воображает варианты выбора, руководствуется своими моральными (или аморальными) принципами, преследует свои цели доступными ему средствами.

Но мало сделать выбор, надо суметь его реализовать. Ну, решу я завтра объявить войну Сейшельским островам, а дальше что?.. Владение же механизмами реализации выбора определяет степень воздействия личности на исторический процесс, и тогда задача по своему

характеру исторична. И владение этими механизмами зависит как от личных качеств лидера, так и от поста, который он занимает. Впрочем, лидеру отнюдь не все подвластно. Личность социально и культурно детерминирована, она действует в рамках определенных нормативных систем, это во--первых, а во--вторых, она делает свой выбор не в изоляции, а в контексте личностных выборов других членов общества. Замечательный историк М. Блок писал о том, что в пределах жизни одного поколения, в рамках одного и того же общества господствует такое единообразие обычаев и технических приемов, что ни один индивид не может существенно отойти от общепринятой практики. Никакой лидер не в состоянии реализовать свой выбор, не опираясь на готовность к нему рядовых граждан. Исторический процесс в данном аспекте представляется мне непрерывной чередой личностных выборов, совокупность которых определяет тенденции развития общества. Постоянные столкновения таких выборов -- источник движения.

Я вполне осознаю видимую противоречивость своей позиции: признавая жесткую зависимость личности, я в то же время допускаю для нее свободу выбора. Но разговор о механизмах принятия решений -- отдельный и специальный. Здесь же скажу, что, во--первых, совокупность обстоятельств, определяющих выбор конкретного человека, меняется по составу непрерывно, постоянно, в зависимости от субъективных и объективных условий.

Меняется и системы приоритетов, предпочтений. Поэтому большое значение имеет момент принятия решения: то, что мы выбрали бы вчера, уже не выберем завтра. А наступление этого момента (принятия решения) для каждого индивидуально, оно зависит от скорости осознания необходимости сделать выбор, от степени информированности, социальной активности, быстроты реакции и еще от целого ряда условий.

Во--вторых, имплицитно в рассуждениях историков присутствует триада: альтернатива -- принятие решения (выбор альтернативы) -- реализация выбора. Здесь за всеми элементами стоит человек. А следовательно, он может осознавать или не осознавать реальные альтернативы, воображать отсутствующие альтернативы и считать их реальными. Принятие им решения детерминировано целым рядом условий, среди которых наличие осознанной альтернативы -- не самое важное. Даже осознав и выбрав «правильную» альтернативу, человек может не найти -- по объективным или субъективным причинам -- адекватного механизма реализации выбора. Поэтому наличие альтернативы еще не означает возможности ее реализации, что в общем--то и служит одним из краеугольных камней моей убежденности в том, что могло быть так, как было.

Стремление же, сознательное или подспудное, к гиперболизации значения выбора альтернативы политическим лидером есть, по сути, стремление найти стрелочника. При этом не учитывается тот факт, что рядовые граждане своей личной позицией определяют, в конечном счете, возможность реализации той или иной альтернативы. Альтернативность -- категория прежде всего нравственная. А если учесть, что, находясь внутри каждой конкретной точки исторического процесса, невозможно определить, какая тенденция побеждает, то это обстоятельство приобретает особую гражданскую значимость. Но об этом мы еще поговорим.

Итак, я утверждаю, что человек мог сделать только тот выбор, который сделал. Но в таком случае, видимо, совершенно необходимо знать, какие нормативные системы и как конкретно влияют на выбор. Весьма сильно влияние неосознаваемых нормативных систем, реализация которых доведена до автоматизма. Это происходит прежде всего потому, что для того, чтобы выйти из-- под влияния такой нормативной системы, необходимо ее сначала осознать.

Мужчина, придя на свидание с женщиной, дарит ей цветы. А почему именно цветы, а не шишки, ракушки, красивые камушки? Я здесь не рассматриваю дарение полезных вещей, это немного иное, я говорю о подарке, единственное требование к которому -- быть красивым. Но для того, чтобы подарить не красивый цветок, а, например, красивую лягушку, необходимо

не только умозрительно осознать возможность существования других подарков такого типа, но и суметь выработать в себе восприятие неких предметов как, во--первых, красивых, а во--вторых, -- пригодных для подарка. Я уж не говорю о смелости, которая нужна для того, чтобы сделать такой подарок.

Почти непреодолимо и влияние коллективных нормативных систем. Причем если мы различим в них две группы -- те, которые требуют ото всех одинаковых действий (маршировать в ногу, дружно аплодировать), и те, которые требуют реализации особых действий в общем контексте (работа на конвейере), то заметим, что влияние первой группы хорошо изучено психологами и сходно с рефлекторным подражанием, а вторая группа требует постоянного воспроизведения одного и того же действия, тем самым со временем переходя в разряд автоматического.

Достаточно устойчивы нормативные системы целей и ценностей. Однако все равно, как правило, остается место личностному выбору. Можно пойти на работу дворами, а можно по улице, можно подъехать автобусом или трамваем. Что же теперь определяет выбор? И тут, пожалуй, пора вспомнить еще об одном виде детерминаций -- о причинно--следственных связях. Я выбираю дворы потому, что тороплюсь, улицу -- потому, что на мне новое платье, трамвай -- потому, что он подошел раньше и т. д. Я выбираю вариант в соответствии с реальными конкретными условиями. И тут еще один важный момент -- я поступаю в соответствии не с условиями вообще, а с известными мне компонентами этих условий. Степень информированности об условиях и осознания последних -- основа выбора.

Однако подобные рассуждения опять--таки с неизбежностью приводят к постановке нового вопроса: что такое история -- наука о людях или о человечестве? Если это история людей, то сделанные выше наблюдения, видимо, имеют право на существование. Если же нет, то какое может иметь значение анатомирование моего желания проехать на автобусе?

Но что такое человечество как субъект исторического процесса? И что такое его выбор? Об этом мы поговорим в следующем параграфе.

Сейчас же хотелось бы остановиться еще на двух аспектах данной проблемы. Во--первых, я безоговорочный сторонник положения, согласно которому народ имеет того правителя, которого заслуживает. Во--вторых, правитель, лидер делает тот выбор, который он может сделать в данный конкретный момент. С этой точки зрения он не бывает ни в чем виноват. При этом я имею ввиду не уголовную, административную или какую--либо иную ответственность за совершенные деяния, а невиновность именно с исторической точки зрения. Виноват народ (правда, содержание этого понятия каждый раз требуется конкретизировать), который допускает принятие того или иного решения.

Высказывая такую точку зрения, я регулярно встречаюсь с возражением, что она справедлива только в том случае, если народ имеет реальную возможность выбора. Однако народ всегда имеет возможность выбора, если не в виде выборов как таковых, то в каком--либо ином варианте. Революции, царубийства, восстания, импичменты -- это все варианты реализации выбора правителя.

А если учесть, что под выбором правителя имеется ввиду не выбор конкретного лица -- Петра Первого или Владимира Путина, -- а политики, то возможности для реализации выбора еще шире -- на правителя можно воздействовать не только снятием его с поста, казнью или убийством, но и восстаниями, стачками и другими формами сопротивления его политике. И тогда, хотя личность правителя останется той же, изменится его политика. Поэтому можно переформулировать начальное высказывание следующим образом: народ имеет не столько того, сколько такого правителя, какого он заслуживает. Отрицание этого положения, на мой взгляд, свидетельствует о стремлении не нести никакой ответственности за события, происходящие вокруг человека.

Говоря о личностной свободе выбора И. М. Клямкин отмечает: «Степень этой свободы тем выше, чем более индивидуализированным является характер деятельности, способ самовыражения человека. И она тем меньше, чем ближе он по роду занятий соприкасается с деятельностью и интересами больших масс людей. Поэтому она является максимальной в искусстве и минимальной в политике. Особенно если политику приходится действовать в условиях, когда большинство пребывает еще в исторических границах другой, неличностной, неиндивидуальной культуры и потому не-самодетерминирующей на уровне индивида».

И еще один аспект. Говоря о роли личности в истории, особенно понимая под личностью политического лидера, всегда следует различать личность и маску, конкретного человека и его политическую роль. В замечательной книге «Осень средневековья» приведено весьма тонкое наблюдение Й. Хейзинги о том, что в общественном сознании существует набор «типажей» правителя, при помощи одного из которых и опознается данный конкретный правитель. И это опознание далеко не напрямую связано с характером и личными качествами самого человека. Борис Годунов вовсе не был пожирателем детей, Александр I -- властитель, конечно, лукавый, но далеко не слабый, а Николай II, по свидетельству людей, близко его знавших, был мягкосердечен и сентиментален, но далеко не кровав. В данной работе я попытаюсь показать, насколько Григорий Отрепьев не был предателем и мелким авантюристом.

При этом интересно, что личные качества лидера тут играют отнюдь не решающую роль, культ может сложиться и вопреки им.

Однако маска, приписываемая тому или иному человеку, выбирается, конечно, не произвольно. Она объясняет поступки и действия не одного только лидера, но и всего механизма власти, отчасти тем самым мистифицируя и одновременно мифологизируя последний. Стремление к персонификации власти уходит корнями вглубь веков, действительно в мифологическое сознание. Но оно живо и сегодня. И об этом мы еще поговорим.

Л. Гозман и А. Эткинд указывают на весьма важное для нас обстоятельство: «Никакая мифология не имеет конкретного творца. Картина мира тоталитарного сознания тоже не имеет автора. Тираны не могут претендовать на это авторство. Скорее наоборот, сами они, какими мы их знаем, являются ее порождениями». Говоря о том, что мифологическое сознание в частности порождает веру в бессмертие лидеров, авторы отмечают: «Не исключено, что сами лидеры разделяли эти идеи, хотя никто не узнает о том, до какой степени они осознавали их. Не случайно, наверно, что мало кто из руководителей тоталитарного толка позаботился о преемнике».

Итак, необходимо различать личность, маску и персонифицированную власть. А также учесть еще одно: механизм власти -- вещь сложная, вдаваться в подробности его анализа здесь не место. Но одно могу сказать точно -- лидер либо соответствует этому механизму, либо подчиняется ему, либо механизм его сминает. Роль личности, конкретного человека здесь минимальна. Она детерминирована столь существенно, что места личностному (не субъективному, а именно личностному) фактору не остается.

И в этой связи мне кажется справедливым высказывание А. С. Сенявского: «Сталинизм (в его развитой форме 30--х -- начала 50--х годов) появился не потому, что этого захотел Сталин, а потому, что с определенного момента он и не мог не появиться, хотя бы олицетворялся и иными именами».

Подведем итоги.

В рассуждениях по поводу альтернатив в историческом процессе часто встречается аргументация, состоящая в том, что субъективный фактор рассматривается как фактор определяющий или обуславливающий выбор альтернатив. При этом неизбежно следует вывод, что данный фактор следует рассматривать как нечто, не включенное в ткань исторического процесса и, следовательно, с ним не связанное вообще или связанное лишь частично.

Образно говоря, субъективный фактор сидит на берегу реки -- исторического процесса -- и, наблюдая за течением, время от времени вмешивается в последнее с целью ускорить или попытаться изменить направление. Эта позиция представляется принципиально неверной: субъективный фактор может рассматриваться только как элемент исторической реальности, как ее порождение, ею же детерминированное.

Известно, что распознавание реальной ситуации возможно только на основе имеющегося исторического опыта, так сказать, накопленного «банка» предшествующих ситуаций. С другой стороны, наличие банка предшествующих ситуаций в значительной степени создает предпосылки для возникновения альтернатив. И вопрос здесь заключается в том, являются ли накопления банка достаточными. В то же время в рамках субъективной деятельности происходит накопление банка исторически апробированных приемов и методов трансформации предшествующих ситуаций и их переосмысления.

Однако даже исторически обусловленные преобразования в рамках субъективного фактора не могут оцениваться чрезмерно высоко. Дело не только в том, что не может быть предложено ничего кардинально нового, но и в том, что поддержание дееспособности старого, хорошо отлаженного механизма требует несоизмеримо меньше усилий и затрат, чем приведение в действие и отладка нового (сравним застой с перестройкой).

В силу этого «массовидность» субъективного фактора, его активность и т. п. не может оцениваться безотносительно к степени устойчивости реализуемого варианта. Новое требует поддержки гораздо большего числа членов социума, чем старое.

Еще один полемический перекосяк в дискуссиях по проблеме альтернативности в истории -- подмена субъективного фактора личностным. В то же время разница между ними значительна и, на мой взгляд, очевидна: если субъективный фактор полностью обусловлен историческим процессом, то личностный может давать и дает единичные «выбросы». Но личностный фактор функционирует только в рамках субъективного.

Однако при этом не следует забывать, что субъективный фактор может быть персонифицирован, что особенно заметно при оценке степени влияния на выбор альтернатив деятелей «верхнего эшелона власти». Здесь я предложила бы ввести понятие системности субъекта. Степень включенности человека в конкретную систему определяет и степень его зависимости от исторического процесса.

И последнее. Говоря о выборе альтернатив и о роли в нем субъективного фактора, нельзя не задаться вопросом, на чьи плечи ложилось бремя этого выбора. Субъективный фактор выбирать не может. Осознав ситуацию, выбор может сделать личность. Субъективный фактор, проявляясь через совокупность личностей, не только выдвигает альтернативы, но и порождает борьбу за их реализацию. Но об этом мы тоже поговорим позже.

«Я ТЕБЯ СЛЕПИЛА ИЗ ТОГО, ЧТО БЫЛО...»

Человек все больше и чаще подчиняет себе природу. Причем делает это настолько успешно, что мы уже почти забыли, что являемся ее частью. И все--таки это так. Мы не только рождаемся в ее лоне, она не только кормит и поит нас. Связь наша значительно интимней и глубже.

Много лет назад археологами и этнографами было проведено пилотное (пробное) исследование высокогорных народов мира. Результаты оказались поразительными: разделенные огромными пространствами, находящиеся на разных континентах, они совпадали во всех базовых показателях материальной и духовной культуры. При этом единственное, что их роднило -- то, что они жили на одинаковой высоте над уровнем моря.

И прежде, чем говорить о влиянии биосферы на человеческое сообщество, рассмотрим пристальней самого человека. И прежде всего на его биологическую составляющую. Во--первых, мы -- существа очень слабые и беззащитные, просто вынужденные трудиться и думать. А во--вторых, мы, сколь бы нелестным для нас ни было это определение, -- трупояды. Мы

-- не хищники, поскольку не в состоянии ни догнать какое--либо вкусное животное, ни перегрызть ему горло. Да и не едим мы живность еще тепленькой (вспомним, кстати, о кошерной пище...). А что это значит -- быть трупоядом? Прежде всего, зависит от удачливости хищников или ждать, когда произойдет «падеж скота». Но человек уже на ранних стадиях своего развития был не только слаб, но и прожорлив, а это -- серьезный стимул к прогрессу.

Ну, а что представляет собой человек как существо био--социальное? Он -- эйдилон, т. е. существо, чье мышление и поведение генетически запрограммировано, или ксинедрин, т. е. существо, целиком программируемое внешней средой? Понятно, что путь эйдилон -- это генетическая предопределенность. Все, наверное, помнят и знаменитые преступные типы Ламброзо, и споры о существовании гена агрессии.

Путь ксинедринов -- это диктат культуры. Человек появляется в мир, не имея ничего за душой -- ни врожденных способностей или склонностей, ни индивидуальных черт. Его полностью формирует та культура, в рамках которой он рожден.

И социобиологи -- путем научных наблюдений, -- и мы -- на личном опыте -- склонны считать, что на самом деле место имеет генно--культурная трансмиссия, т. е. постоянно происходят переходы от генных факторов к культурным и наоборот. Ни гены, ни культура, отдельно взятые, не могли породить человеческого разума. Он является результатом соединения генетической эволюции и культурной истории.

При этом социальная структура какого--либо сообщества относительно самостоятельна по отношению к генотипу. Более того, социальные процессы также влияют на биологическую составляющую, в результате чего каждый отдельный человек находится как бы на пересечении двух относительно самостоятельных систем -- социума и природы. И если на ранних стадиях человеческой истории доминирует антропогенез, то последние тысячелетия социогенез явно играет более значимую роль для человечества.

Самым настойчивым -- а иногда и назойливым, -- напоминанием о нашей связи с природой являются наши естественные потребности (в отличие от противоестественных, к которым природа не имеет никакого отношения). Мы все так же, как и миллионы лет назад, хотим есть, пить, спать, дышать и не только. Причем хотим настолько сильно, что можем заплатить жизнью за отказ от удовлетворения своих потребностей.

Но наши потребности, неизменные в своей основе, заметно трансформировались и продолжают изменяться. Мы хотим уже не просто есть, но есть что--то (вкусное!), как--то (за столом, на тарелке, вилкой), приготовленное определенным способом. Мы хотим пить, но уже очень редко пьем просто воду. Мы хотим спать на удобных матрасах, с подушкой и постельным бельем. Даже дышать многие предпочитают с помощью кондиционера. И все остальные способы удовлетворения потребностей таковыми не считаем.

Более того, неприхотливость человека в отношении своих нужд вызывает скорее порицание -- «он ведет себя как свинья». Напомню из Омара Хайяма:

Чтоб мудрым быть, знать надобно немало.

Два первых правила запомни для начала:

Ты лучше голодай, чем что попало ешь,

И лучше будь один, чем вместе с кем попало».

А теперь вспомним о еще одной старой, но все еще не решенной проблеме: люди мы или животные, вернее, конечно, являются ли люди чем--то принципиально отличным от животного мира. А «Люди или животные» -- это название весьма поучительной книги Веркора. Напомню ее незамысловатую фабулу: группа исследователей обнаруживает в джунглях некое племя, находящееся как раз на полпути между животным и человеком. И весь остальной объем книги посвящен поискам критериев отличия.

Надо сказать, что не только в книге, но и в реальности эту грань уловить очень трудно. Использование орудий? Но это свойственно и некоторым приматам. Строительство? А бобры? Коллективная созидательная деятельность? Вспомним о муравьях и пчелах. Искусство можно увидеть в брачных танцах птиц (и не только). Что касается речи, то и у животных есть членораздельные, информативные и эмоциональные сигналы. Даже ритуалы -- казалось бы, чисто человеческое явление -- знакомы биологам и понимаются ими как серии наследственно закрепленных в генотипе вида, рода, семейства и др. стереотипных телодвижений, повторяющейся последовательности и двигательных реакций, имеющих сигнальные функции. Такие действия совершаются спонтанно и имеют свой собственный механизм передачи и свое привлекательное значение.

Но, пожалуй, только человек может так старательно наносить вред себе и своим близким. Никотин, алкоголь, всевозможные излишества в удовлетворении своих потребностей -- вот это истинно человеческое. Еще один признак -- немотивированная агрессия. Животное убивает, но во--первых, по неким объективным причинам: потому что хочет есть или защищает свою семью и пр. А во--вторых, оно не пытается себе подобного, не издевается над ним.

Некоторые социобиологи видят в этом «ответ» природы на развитие медицины: на смену естественным способам регулирования размера популяции пришли противоестественные.

Однако пора вернуться к биосфере как субъекту истории. Ее влияние на тип хозяйствования настолько очевидно, что вряд ли нуждается в особой детализации. Но на некоторых моментах все же остановимся. Дело ведь не только в том, что поблизости от судоходных водных пространств развивается водный транспорт, а в пустыне нет. И не только в том, что наличие полезных ископаемых определяет отрасли производства. И тип почв и климатические условия диктуют направления развития растениеводства и животноводства.

Есть факторы не столь отчетливо просматривающиеся, но весьма значимые. Например, выход полезных веществ данного региона с учетом объема потребностей в них человека определяет максимальный размер социума, который он может прокормить. Малочисленность водных источников приводит к плотности сельских поселений, а их обилие -- к распыленности.

Но биосфера влияет не только на материальные и биологические стороны жизни человека и социума. Можно различить регионы, благоприятствующие человеческой деятельности и препятствующие ей. При этом человек функционирует и в тех, и в других, но если в первых его действия гармонизированы с природой, то во вторых он постоянно находится в состоянии борьбы с ней. И из этого проистекает разница в мировосприятии -- я назвала эти два типа мировоззрением и мирозерцанием. Первое активно и агрессивно, второе спокойно и приметливо.

Интересно, что к XIX в., а точнее -- к полной и безоговорочной победе человека над природой в Центральной Европе -- регионе второго типа -- стали весьма популярны всевозможные восточные учения, а Восток -- регион как раз первого типа.

Отметим также, что есть два способа получить у природы то, что тебе нужно: отнять и обменяться. Для социумов с доминантой мирозерцания характерно понимание того, что в природе все гармонично и, следовательно, целесообразно. Даже если человек не понимает этих целей. Поэтому уничтожать или преодолевать ничего нельзя -- результат может оказаться непредсказуемым и страшным.

Разницу двух позиций можно прояснить на такой аналогии: отношение к природе у одних как у арендаторов, а у вторых -- как у наследников. Материалистическую позицию «хозяина» мы даже не станем рассматривать: мало того, что для того, чтобы быть хозяином, надо либо сделать, либо приобрести, либо получить в дар (ничего подобного с человечеством не происходило), но и всевозможные природные катаклизмы, которые мы не можем не только предот-

вратить, но и заблаговременно предсказать, сильно препятствуют нашему «хозяйскому» положению.

Мимоходом замечу, что если человек (или социум), занимающий позицию «арендатора», чаще всего либо не верующий, либо верящий во что-то типа Космического Разума, то христианин (возможно, и представитель другой религии, не берусь судить, поскольку недостаточно хорошо знаю) ощущает себя «наследником», соратником Христу и соучастником творения. Согласитесь, разница понятна и значительна.

Мы еще будем говорить о прогрессе, а сейчас об одном аспекте. Безусловно, регионы, препятствующие человеческой деятельности, в то же время и даже в силу этого способствовали технико-технологическому прогрессу. Человеку все время приходилось решать нестандартные задачи, суровая природа не позволяла ему расслабиться. Но по мере развития науки, техники, технологии, производства человек все реже вынужден искать оригинальное решение, т. е. неограниченный разумными рамками прогресс деятельности может привести если не к регрессу, то к существенному упрощению мышления. Современный рядовой житель мегаполиса не выживет не только в условиях дикой природы или в деревне, ему будет сложно даже в маленьком городе. Я имела возможность издали следить за процессами в Тбилиси, когда там в домах не стало воды, газа, электричества и телефона. Моральное, психическое и физическое состояние жителей очень скоро стало ужасающим, хотя еще 100 лет назад об этих удобствах никто и не слышал.

Вот и задумываешься, стоит ли побеждать природу...

А если учесть, что последние разработки -- причем не только теоретические, но и экспериментально подтвержденные -- социобиологов, биологов, физиков, химиков показывают, что биосфера может существовать только как целостность, все части которой теснейшим образом взаимосвязаны -- не только механически или энергетически, но и информационно, -- а отдельный элемент как на уровне особи, так и на уровне вида просто не выживает без существенных мутаций, то становится абсолютно ясно, насколько осторожным должно быть человечество. Ведь если причинить боль одному человеку, где-нибудь может произойти землетрясение или мутация какого-нибудь вида микробов, которые станут угрозой для жизни. Конечно, я упрощаю, но это в связи с тем, что мы пока слишком мало знаем не только о механизмах действия этих связей, передачи информации, но и о возможных результатах влияния на один из элементов биосистемы для остальных. Собственно, сегодня мы знаем только одно: наш мир -- жестко сбалансированная и гармонизированная система, и не стоит ее расшатывать.

И напоследок о еще одной теме: о нефункциональных, нецелесообразных привязанностях. Однажды к нам в храм вошел энергичный и целеустремленный человек весьма интеллигентного вида и спросил: «Так, а у вас собак в рай пускают?» Я несколько растерялась, а потом вспомнила соответствующую цитату из Евангелия и кивнула. «Хорошо, тогда запишите меня», -- решил мужчина. И стал, между прочим, весьма достойным прихожанином. А суть--то была проста и знакома многим: собака стала для этого человека самым близким другом, и рай без нее казался ему не слишком привлекательным.

Может, кому-нибудь это покажется смешным, но именно наша способность совершенно бескорыстно любить животных или любоваться природой дает надежду избежать экологической катастрофы и сознательно включить в мировосприятие биосферу как весьма важный субъект истории.

КОЛЕСО, СТРЕЛА И ТОЧКА КАКОЕ БЫВАЕТ ВРЕМЯ

Каким бы ни было определение истории как науки, в нем все равно будет упомянуто время -- одна из основных шкал измерения реальности.

Мы редко об этом задумываемся, но время бывает разное. С точки зрения исторической науки важны время космическое, историческое и личное. И времена эти весьма существенно различаются, при этом их соотношение устанавливается также очень сложно, хотя, возможно, это не кажется очевидным. Космическое время наиболее очевидно и объективно. Оно строится на периодичности космических явлений, в частности, на обращении Луны вокруг Земли -- на нем базируются сутки и лунный календарь; на вращении Земли вокруг Солнца -- оно лежит в основе года и солнечного календаря. Существует еще звездный календарь, а когда возникнет потребность, возникнет марсианский календарь, нептунский и т. д. И между ними нет и не будет прямого соответствия, поскольку каждая планета за разное время (земное) и совершает оборот вокруг своей оси и вокруг Солнца.

И сколь бы сложными ни были расчеты соотношения разных календарей, их объединяет нечто существенно общее. Космическое время -- изначально циклично. Именно цикличность, построение календарей на базе повторяющихся событий, породила формулировку «колесо времени».

Попытка преодоления того обстоятельства, что единого времени нет для разных небесных тел и систем, может быть сделана при помощи скорости света. (Поясню: если скорость есть расстояние, деленной на время, то время есть расстояние, деленное на скорость. При равной величине скорости появляется возможность соотносить временные отрезки). Для астрономов и физиков это, наверное, выход, но для историков подобная мера слишком крупна и неудобна. Впрочем, равно как и другие шкалы космического времени.

За начало месяца в еврейском календаре принималась неомения -- момент первого появления Луны на вечернем небе. В I в. н. э. при иерусалимском синедрионе была специальная комиссия из трех человека, которая 29--го числа каждого месяца высылала свидетелей за город, чтобы они следили за появлением серпа новой Луны. Таких свидетелей должно было быть не меньше двух. Каждый еврей был обязан при любых условиях и даже в субботу отправляться в Иерусалим для дачи показаний. Заслушав очевидцев, коллегия принимала решение считать наступающий 30--й день первым днем следующего месяца или ждать следующей ночи. А если облачность или туман?

Историческое время -- это стрела. М Блок отмечал, что если для физика важно, сколько длилось то или иное физическое событие, но не важно, когда оно происходит, то для историка важен конкретный момент в жизни отдельного человека и цивилизации.

В социальных процессах только с весьма существенным упрощением можно увидеть повторяющиеся события, но в любом случае они не будут иметь обще-цивилизационного значения. Революция во Франции имеет сходство с революцией в России, но строить на этом основании некий календарь, наверное, нелепо. Хотя сама идея поиска таких периодических событий была свойственна разным культурам. При Юлии Цезаре каждые 15 лет собирались подати -- от этого и пошел счет индиктами -- 15--летиями, от 1 сентября (с 462 г.; до этого -- с 23 сентября). Считали по консулам, по олимпиадам. Э. Бикерман отмечает, что в древней Греции если должностное лицо, по которому был обозначен год, служило шесть месяцев, то и гражданский год длился шесть месяцев. В древних шумерских текстах датирование по сроку деятельности лиц также охватывает годы различной величины.

Христианство принесло с собой счет по евангельским событиям, прежде всего от Рождества и от Пасхи. При этом никому не известно, когда родился Иисус, а дата Пасхи вообще является плавающей. В то же время М. Блок называет христианство религией историков: «У христиан священными книгами являются книги исторические, а их литургии отмечают -- наряду с эпизодами земной жизни Бога -- события из истории Церкви и святых. Христианство исторично еще и в другом смысле: судьба человечества -- от грехопадения до Страшного суда -- предстает в сознании христианства как некое долгое странствие, в котором судьба каждого человека, каждое индивидуальное „паломничество“ является, в свою очередь, отражением; центральная ось всякого христианского размышления... разворачивается во времени, т. е. в истории».

При том, что мы пользуемся сегодня солнечным календарем, обычаем измерять время неделями связан с изменением фаз Луны. Каждый день посвящен какому--либо богу. У некоторых народов нумерация дней получилась очень любопытной. В грузинском языке получилось пятница, пять суббот и воскресенье. В персидском языке суббот даже шесть (и одна пятница). Когда--то у славянских народов воскресенье называлось «неделя» -- день, в который ничего не делают. Интересно, что даже священные дни у разных социумов разные: у мусульман -- пятница, у иудаистов -- суббота, у христиан -- воскресенье.

Поэтому нам не остается ничего, кроме как согласиться с мнением Э Бикермана: «Календарь -- это такая вещь, которую не в силах объяснить ни логика, ни астрономия...»

Но каждый из нас на собственном опыте знает, что существует еще и личное время, лишь частично связанное с временами космическим и историческим. Некоторые дни тянутся бесконечно долго, некоторые годы пролетают как птицы. И если течение исторического процесса можно уловить лишь находясь вне него (о чем мы уже говорили), то изменения в жизни конкретного человека заметны и ему, и окружающим. Здесь время уходит в точку -- в личность. Но взаимосвязь и синхронность миллиардов таких точек личного времени почти отсутствует. Я жду любимого человека и время тянется как резина, но в этот же момент космического и исторического времени кто--то уже дождался встречи и его время мчится с обидной скоростью. Кто--то только что родился, и его развитие идет по нарастающей, а кто--то приблизился к последнему порогу и чаще деградирует, чем развивается.

Теснее всего связан с космическим временем возраст. Он и считается в годах, месяцах и днях. Но все также знают, что личное восприятие возраста часто отличается от даты, указанной в паспорте. На это влияет и состояние здоровья, и накопленный жизненный опыт (не зря же есть понятие инфантилизм -- от слова «инфант» -- «ребенок»), и степень социальной востребованности. Так же хорошо известно, как вчера еще полный сил пожилой человек резко стареет, уйдя на пенсию. Субъективное восприятие возраста корректирует, конечно, зеркало, но все же...

Личное время зависит и от психологии человека. У эмоциональных людей оно течет быстрее, воспринимается интенсивней, похоже на бурную горную речку. Спокойные люди живут дольше (не по космическому времени, а по личному), почти не воспринимая время, которое у них похоже на безмятежное озеро, а то и на болото.

Еще один фактор -- страх. И прежде всего страх смерти. Он ускоряет личное время не только по отношению к прошлому и настоящему, но и к будущему. Если обычно мы говорим о том, как быстро пролетел год, или как быстро летит воскресенье, то страх вынуждает с ужасом наблюдать с какой скоростью нечто приближается. И неизбежность наступления пугающего события только усиливает напряжение. Предродовые синдромы женщин связаны именно с неизбежностью родов, но как правило, они не носят патологического характера, если

не осложняются какими--то побочными обстоятельствами: ведь женщина знает, что после рождения ребенка все со временем придет в норму.

Со смертью несколько иначе. Здесь разница в позиции человека, верующего в загробную жизнь, и атеиста особенно очевидна. Как и разница между ожиданием изменения, перехода, и конца.

Единицей измерения личного времени является событие. Мы помним жизнь не по часам, не по историческому событию. Скорее наоборот, мы вспоминаем дату по событию, а историческое событие -- по личным обстоятельствам. Н человек не в состоянии помнить и даже отслеживать все события своей жизни. Значит, и здесь мы сталкиваемся с понятием исторической значимости, но в данном случае в рамках истории отдельной личности. Как мне кажется, если тщательно проанализировать собственные воспоминания, можно многое понять во всемирной истории.

Но вернемся к историческому времени. Уже упоминавшийся Э. Бикерман отмечает, что для древнегреческой и ранней римской истории можно установить лишь год, изредка -- время года события. Для Ближнего Востока пределы погрешности быстро увеличиваются по мере углубления в прошлое за пределы 900 г. до н. э. До XIV в. до н. э. они достигают 10 и более лет, к XVII в. -- 50 лет, а дальше и больше.

И мы оказываемся в парадоксальной ситуации: время -- мерило истории, но очень уж ненадежное. И вообще, мерило бессмысленно без измеряющего, т. е. без человека. Значит, он и субъект истории, и ее объект.

Значит, необходимо пристальней в него всмотреться.

«ОН МЕНЯ СОСЧИТАЛ!»

Итак, в центре круговорота времен -- человек. Он и воспринимает время, и измеряет его, и изменяет. Особенно это касается исторического времени, которое вообще не существует без субъекта и объекта истории -- социума.

Представим себе на минуту, что по каким--то причинам Земля осталась без человечества. По--прежнему будет по утрам всходить солнце, а по вечерам -- луна и звезды. По--прежнему зиму будет сменять весна, а осенью багряные и золотые листья будут устилать землю. Будут учиться летать птенцы и строить плотины бобры. Но историческое время превратится в космическое, в колесо, бессмысленно катящееся по просторам вселенной.

Некоторые не согласятся со мной -- ведь флора и фауна будут продолжать развиваться, а потом, глядишь, и Солнце потухнет, и вообще многое изменится. Да, конечно, вот только не будет того, кто сможет это заметить и «сосчитать».

Впрочем, перспектива угасания светила заставляет нас уточнить еще один аспект. Аналогия с колесом действительно вызывает представление о космическом времени как о бесконечности, что верно, но в космическом же масштабе. В человеке ежеминутно умирают какие--то клетки, но мы не говорим о смерти всего человека. В социуме регулярно умирают его члены, но мы не говорим о смерти социума. То же самое со вселенной.

Но есть существенное различие: если вселенная бесконечна и, соответственно, состоит из бесчисленных элементов, гибель всех последних невозможна, то число клеток организма, растений определенного вида и членов социума конечно, и следовательно, их тотальное исчезновение и последующее исчезновение самих общностей вполне реально. В этом еще одна особенность исторического времени. Оно может исчезнуть.

Мы уже говорили, что мерилom исторического времени являются события, или же действия, поступки людей в их совокупности. При этом субъективность (в широком смысле) исторического времени очевидна. Да, событие действительно произошло, это объективно. А вот восприятие его как исторического и определение даты его наступления зависит уже от человека.

Субъективность исторического времени состоит еще и в том, что этих времен много, ведь то, что важно и памятно для одного социума, может быть просто не замечено другим. История победы племени ням--ням над племенем ап-- чхи, вероятно, будет передаваться от поколения к поколению во всем союзе племен, но вряд ли заинтересует хоть одного француза, разве что он узкий специалист именно в этой области.

Впрочем, французы могут об этом и не узнать. Для единства и универсальности исторического времени огромное значение имеет передача информация. Даже сегодня, в век интернета и спутниковой связи, мы можем узнать далеко не обо всех событиях в жизни человечества. Что же касается международных информационных агентств (впрочем, не только международных), то их отбор фактов для трансляции тоже субъективен, и хорошо еще, если эта субъективность искренняя, а не обусловленная политическими или иными интересами тех, кто их финансирует.

Что же касается более ранних времен, то информационная замкнутость социумов была столь велика, что иностранцы только недавно перестали спрашивать у россиян, как они уживаются с медведями, бродящими зимой по улицам Москвы.

В этой ситуации единым -- более или менее -- временем для человечества является все же время космическое. Но в основном на макроуровне. Ведь на уровне часов, дней и даже лет космическое время различается для разных социумов в зависимости от их географического местоположения. Известно, что год мог начинаться 25 декабря, 1 января, 1 марта, 25 марта,

1 сентября... Но чем крупнее масштаб, тем меньше расхождений. Правда, и применимость в истории меньше.

В учебнике по истории одной из наук я прочла, что «всем известно, что XVIII в. начался в 1715 г. и закончился в 1789 г.» Почему?

Для периодов истории, от которых сохранилось мало свидетельств, мы тоже используем крупные, но очень размытые интервалы. Это эры или эпохи. Причем их границы настолько зыбки, что часто почти не соотносимы с космическим временем.

Эры и эпохи выделяются либо по технико--технологическим параметрам -- например, каменный век или бронзовый; либо по каким--то длительным политическим ситуациям -- например, эпоха Селевкидов.

М. Блок говорит, что воплощение Бога положило конец Ветхому Завету, но не установило Царствия Божьего. Устремленное к надежде на этот блаженный день, время настоящее было, следовательно, всего лишь промежуточной эрой -- Средними веками. Но когда они начались и когда кончились? Логично было бы думать, что начались сразу после евангельских событий и не кончились по сей день -- ведь Царствие Божие так пока и не наступило. Ан нет!..

Более мелкие отрезки времен -- этапы и периоды. Их границы тоже весьма размыты и критерии определения не однозначны. В истории нечасто один период резко и датируемо сменяется другим. Некое новое явление, по которому определяется начало нового этапа, возникает и постепенно распространяется.

Между состоянием его полного отсутствия и его столь же полного доминирования лежит переходный период, который по длительности вполне может быть сопоставим с самим этапом, конкретная дата начала или конца которого находится в рамках переходного периода, но точно определить ее сложно. Обычно неявным критерием для этого является «массовидность» критерия. Но какой процент или какая часть общего числа явлений должна содержать новое, чтобы считаться началом нового периода?

О том, что историческое время различается в разных социумах, мы уже говорили. Но оно различается даже внутри одного социума, однако на разных этапах развития. Где--то оно еле плетется, событий почти нет, изменения минимальны. Где--то несется вскачь, новости сыплются как из мешка, вечером нет уверенности, что утром проснешься в той же стране -- вспомним и сравним хотя бы периоды застоя и начала перестройки. Но еще более важно, что разные социумы, даже пользуясь одной и той же системой измерения космического времени, могут отсчитывать начало исторического времени или его периода от разных исторических событий.

Для того, чтобы историческое время разных социумов было сопоставимо, оно должно отсчитываться от одного и того же общезначимого события. Но к этому мы еще вернемся.

А сейчас отметим еще одну «странность»: историческое время различается не только для разных социумов, но и для разных областей человеческой деятельности. Выше мы уже упоминали о каменном, бронзовом или железном веках -- это история производства. Если в рамках тех же социумов дать периодизацию по социальному развитию, мы будем говорить о первобытнообщинном строе или рабовладельческом или феодальном. Своя периодизация есть в истории искусства, философии, науки, политики, дипломатии и т. п. Причем периоды как правило не совпадают.

Конечно, в реальности все социальные процессы в той или иной степени взаимосвязаны -- новые научные открытия влекут за собой изменения в технологии; изменения в политической ситуации влияют на дипломатические события. Поэтому периоды истории разных сфер человеческой деятельности хотя и не совпадают в рамках космического времени, но сопоставимы в рамках исторического, т. е. относятся к одной эпохе.

Таким образом, историческое время проще представлять себе даже не в виде стрелы, а в виде тучи стрел, направленных в одну и ту же цель. Но что это за цель, и есть ли она вообще, или это не цель, а просто конец?

Об этом мы поговорим в следующих разделах.

«АЛЬФА И ОМЕГА, НАЧАЛО И КОНЕЦ»

Итак, проблема определения точки отсчета времени становится для нас уже весьма актуальной. Здесь мы, пожалуй, не будем говорить о начале космического времени -- это космологическая тема, теснейшим образом связанная с мировоззрением: для атеиста (и не только) космическое время вообще не имеет начала и конца, для христианина начало времени -- сотворение мира, конец -- Страшный суд. И хотя христианство на богословском уровне в этом вопросе достаточно осторожно, кое--какие моменты мы рассмотрим в следующем разделе, а пока вернемся к времени историческому.

Если историческое время, как мы уже сказали, существует только в человеке, то, видимо, его начало -- возникновение человечества. Но -- и об этом мы тоже уже говорили -- само возникновение, его момент, определяется очень сложно. В одном из следующих разделов мы вернемся к теме, а сейчас я предлагаю попробовать уточнить этап возникновения человечества, который можно было бы взять за точку отсчета: возникновение исторического сознания или, что одно и то же, самосознания социума. Это, как мне кажется, наиболее целесообразный подход. Но вот беда -- в каждом конкретном социуме этот момент настаёт в свой период космического времени и для универсальной точки отсчета не годится.

То, что с этим нужно что--то делать, было понятно уже в древности. В середине III в. до н. э. в греческом мире ввели летоисчисление от первых Олимпийских игр, которые проводились с 11--го по 16--й день после новолуния в период летнего солнцестояния.

Римляне, а затем и европейцы вплоть до XVII в. использовали в качестве начальной точки дату основания Рима. Однако вокруг самой этой даты велись ожесточенные споры, существовало около десяти версий. В конце концов приняли дату основания Города -- 21 апреля 753 г. до н. э.

Победное шествие христианства повлекло за собой почти повсеместное распространение новой точки отсчета -- от сотворения мира. Логичный вопрос -- откуда известна его дата. Изначально было около 200 различных исчислений -- от 3483 до 6984 лет перед Рождеством Христовым. Ход рассуждений был приблизительно таким: в Псалме 89 и во 2 послании Петра говорится, что у Бога 1000 лет как один день. Из этого следует, что сам акт сотворения мира длился 6000 лет. Но, как и мы, богословы считали, что для нас важен не весь процесс творения, а именно появление человека. Это произошло в середине пятого дня -- т. е. через 5500 лет после начал творения.

Поскольку Иисус -- Новый Адам, то и от Адама до рождения Христа должно было пройти столько же времени, т. е. 5500 лет. Однако подобная «датировка» возможна только с точностью до «полудня» -- 500 лет. В котором именно «часу» был сотворен человек, Библия не сообщает. Тогда на помощь должны придти подсчеты библейских событий.

Но вот беда: разные тексты сохранили разные хронологические сведения. Между Вульгатой и Септуагинтой расхождения достигают 100 лет. Например, согласно одной версии от Адама до Сифа прошло 130 лет, а по другой -- 230; от Сифа до Еноса -- или 105, или 205. Иисус Навин правил то ли 14 лет, то ли 32 года, и Кир -- то ли 9, то ли 32. А со времени Вавилонского пленения цифровые данные из Библии вообще исчезают. Поэтому подсчеты тоже не совпадали. Было бы несколько проще, если бы нам была известна хотя бы дата рождения Иисуса по действовавшим в тот период хронологическим системам. Но и здесь ясности никакой.

В 525 г. римский монах, папский архивариус и скиф по происхождению Дионисий Малый предпринял попытку вычислить ее. У него получилось, что Иисус родился 25 декабря 753 г. от основания Рима, 43--го года правления Августа, 4--го года 194--й олимпиады. Однако епископ Ириней, Евсевий Кесарийский и Тертулиан считали, что это было на 42--й год прав-

ления Августа. Другие авторы склонны считать, что от основания Рима прошло 752 года. Но это противоречит Евангелию от Матфея, говорящем о рождении Младенца во время правления Ирода, который умер в 750 г. от основания Рима, т. е. в 4 г. до н. э. В общем, когда именно родился Иисус и от какого события мы отсчитываем «нашу эру», -- вопросы по-прежнему спорный. (Кстати, поэтому я, человек верующий, обозначаю даты все-таки «до н. э.», а не «до Р. Х.»).

Но нет худа без добра. Как вы помните, богословы считали возможным, во-первых, понимать один день в Библии как 1000 лет, а во-вторых, историю сотворения равной по длительности истории человечества от изгнания из рая до Страшного Суда, что означает Второе пришествие Христа в 7000 г. от сотворения мира. Об этом писал еще Григорий Нисский в 375 г. Но на какой год по новой эре приходится эта дата?

На Руси были знакомы в основном с несколькими эрами -- антиохийской, считающей датой сотворения человека 1 сентября 5507 г. до н. э.; александрийской -- 29 августа 5493 г. до н. э.; византийской -- 1 сентября 5509 г. до н. э.; болгарской -- 5504 г. до н. э. и константинопольской, иногда называемой древнерусской -- 1 марта 5508 г. до н. э.

Тогда 7000 лет от сотворения мира -- это где-то между 1491 и 1507 г. н. э. Захват в 1453 г. турками Константинополя, казалось, подтверждал худшие опасения. В 1408 г. закончился 532-летний пасхальный цикл, но никто не решался расписать следующий цикл, ограничиваясь расчетами на ближайшие годы, но не позже 1492 г. Но вот наступило 1 сентября 1491 г., потом 1 марта 1492 г., а затем и 1 сентября 1492 г. ...

Кстати, есть такой всем известный период истории -- Ренессанс, или Возрождение. Возрождение чего? Кого? Говорят, интереса к античности. А вот исихасты -- приверженцы одного из христианских течений -- считали, что Страшный Суд свершился, но в душе каждого отдельного человека. Так, наверное, и было. Современники неизбежно примеряли грядущие события к себе, к своей судьбе. И тогда Возрождение -- это возрождение после мистической смерти в 7000 году. Еще один аргумент здесь -- взлет атеизма и радостный настрой Ренессанса. Что немудрено после мрачных лет ожидания.

Может показаться, что для отечественной истории после Рождества Христова расхождение в определении начальной точки отсчета исторического времени не имеют большого значения -- ну, договорились же в конце концов как-то, какая теперь разница, как. Но вся загвоздка в том, что на Руси еще очень долго даты указывались от сотворения мира, а поскольку летописцы пользовались при составлении сводов самыми разными источниками, то и принципы, по которым надо пересчитывать даты в новую эру, каждый раз нуждаются в уточнении. Приведу несколько примеров.

В Повести временных лет о крещении княгини Ольги сообщается под 6463 годом. Казалось бы, все ясно: отнимаем 5508 лет и получаем 955 г. Но согласно западноевропейским источникам крещение произошло не при императоре Константине Багрянородном, а при императоре Романе, который воцарился только в 959 г. Такое могло быть, если летописец пользовался болгарской эрой -- $959 + 5504 = 6463$ г. Но все не так просто.

Император Константин Багрянородный описывает пребывание Ольги в Константинополе, но не в 959 г. и не в 955 г., а в 957 г. При этом о крещении ничего не сообщается. А в свите Ольги состоит некий священник Григорий, что дает определенные основания предположить, что Ольга была уже крещена. Есть версия, что крещение состоялось все же в 957 г., а упоминание Романа, который еще не был императором, связано с тем, что он, возможно, был соправителем отца...

Не прибавляет ясности и романтическая история о сватовстве Константина Багрянородного к Ольге, тесно связанном с крещением последней. Напомню: император влюбился в княгиню, а та, не желая открыто ему отказать, предложила потерявшему голову Константину стать ее крестным отцом, ибо негоже ему жениться на язычнице. А когда крещение состоялось,

императору напомнили, что крестный отец не может вступать в брак с крестницей. И все бы ничего, но Ольге в то время было 67 лет, да и монарху около 55. Как--то поздновато для романтических историй...

Похоже, ситуация становится безвыходной. Противоречий чересчур много, от каких--то свидетельств надо отказываться, но как решить, какие из них признать достоверными?

А тут еще средневековые французские анналы упоминают некую княгиню Ольгу, сестру (а не бабушку!) князя Владимира, вышедшую замуж во Францию и там признанную святой за свое милосердие к умирающим. Может быть, это ее крестил император Роман, и с ней связана романтическая история? По крайней мере, по возрасту действующих лиц эта гипотеза более правдоподобна. А подмена Романа Константином произошла позднее, когда Русской православной Церкви потребовались свои равноапостольные святые и произошла замена одной княгини, практически неизвестной в России, другой, чья история для Руси была значима, но которая с Романом не пересекалась. Мне кажется, что именно так и произошло.

Тогда остается понять, была ли вообще крещена старшая Ольга. Видимо, да, поскольку ее деятельность по уничтожению капищ и воспитанию внука, впоследствии крестившего Русь, позволяет сделать именно такой вывод. Но как это было возможно? Здесь надо посмотреть, что нам вообще известно о христианстве на Руси в середине X века.

Константинопольский патриарх Фотий еще в 866 г. писал, что россы сменили свою языческую веру на чистое христианство. В договоре с греками 944 г. говорится: «мы же, елико нас крестилися есмы, кляхомся църквию святого Илие в съборьней церкви». Как уже упоминалось, в составе свиты княгини Ольги в 957 г. был священник. Таким образом, нет никаких оснований отрицать возможность крещения старшей Ольги вне зависимости от посещения Константинополя и встречи с Константином.

Но что же тогда произошло при Владимире Святом? Псковская летопись датирует крещение князя со всей возможной точностью: «в 9 лето княжения Володимира, купно же от Адама до крещения Рускаго лет 6496, индикта 1, в лето 6497, ключ границ Р, круг Солнца 28, вруцелето 3, а Луне круг 17». Если летописец использует византийскую эру, то $6497 - 5508 = 989$ г.

Согласно византийским, арабским и некоторым русским источникам, Корсунь Владимир действительно взял в 989 г., но «Память и похвала князю Владимиру» относит его крещение к 987 г. Один из первых биографов Владимира Иаков Мних также считает, что князь взял Корсунь через два года после своего крещения.

А вот Летопись Иоакима вообще считает, что Владимир крестился сам и крестил своих сыновей и всю русскую землю после победы над болгарами в 985 г.! И согласовать данные не получается...

Есть и другие примеры, уже не связанные с крещением Руси. Так, по Повести временных лет Святослав одержал победу над хазарами в 6473 г., т. е. в переводе с византийской эры -- в 965 г. Но из арабских источников известно, что это произошло 1 мухаррама 358 г. хиджры, т. е. 14 ноября 969 г. Значит, в данном случае летописец использовал болгарскую эру: $969 + 5504 = 6473$.

Или же: Лаврентьевская летопись сообщает дату смерти полоцкого князя Всеслава таким образом -- в лето 6609 месяца апреля в 14 день, в 9 час дня в среду. Но в $6609 - 5508 = 1101$ г. 14 апреля было не в среду, а в воскресенье. А в среду оно было в 1109 г. -- значит, летописец использовал вообще редкую для Руси эру -- Секста Юлия Африканского -- 5500 лет...

Естественно, важно знать и то, когда начинался год. До XV в. чередовались мартовский и ультрамартовский год. Что это такое? Из Византии на Русь пришел сентябрьский цикл начала года, но летописцы еще почти пять веков придерживались мартовского начала года. Иногда при пересчете мартовского года в сентябрьский мартовский начинался на полгода позже, а иногда -- на полгода раньше сентябрьского, и тогда он назывался ультрамартовским. Поясню: 1 августа

6500 г. по сентябрьскому циклу могло быть либо 1 августа 6499 г. по ультрамартовскому, либо 1 августа 6500 г. по мартовскому.

В Лаврентьевской летописи за 1110--1304 гг. из 165 статей 101 статья датирована мартовским стилем, 60 -- ультрамартовским, а еще 4 -- годом позже мартовского. В Ипатьевской летописи за 1118 -- 1198 гг. мартовский стиль используется в 46 случаях, а ультрамартовский -- в 35, причем вперемешку.

Досталось ученым и при определении даты битвы на реке Калке. Ипатьевская летопись сообщает, что она произошла в 6732 г. ($6732 - 5508 = 1224$) на восьмой день после вторника (видимо, в среду). Лаврентьевская летопись говорит о 6731 г. месяца мая в 30 день на память святого Еремия (память упомянутого мученика Церковь отмечает 31 мая). Никонская и Густинская летописи датируют битву 6733 г., а Рогожская -- 6743 г. В летописных сводах XV в. дата -- 16 июня. В недошедшем до нас источнике Н. М. Карамзин прочел, что битва состоялась в пятницу. А арабский источник говорит, что она состоялась в 620 г. хиджры, т. е. в 1223 г.

Кстати, знаете ли вы, какой ныне год на дворе? 2000 год по привычному нам летоисчислению -- это 5761 год по иудейскому или 1421 год ходжары. А ведь есть еще восточные системы измерения времени.

Не правда ли, не такая уж это мелочь -- день рождения истории?..

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА НАЧАЛАСЬ В 1914 ГОДУ

Уже упоминавшийся историк М. Блок отмечал, что для большинства исторических реальностей начало как--то удивительно неуловимо. Возможно, задавался он вопросом, под истоками события нужно понимать причины его наступления?

Это кажется парадоксальным: ну, ладно, когда речь идет о событиях седой старины, но что касается даже XVIII в., не говоря уже о более поздних временах, то здесь мы, как правило, знаем точные даты -- начала войны с Наполеоном, вступления на престол царевны Софьи и т. д. Но что стоит за этими датами?

Выше мы уже говорили о том, что любое событие имеет свою предисторию. Возьмем в качестве примера памятный многим период -- перестройку. Когда она началась? С прихода к власти М. Горбачева? Но и при Ю. Андропове были сделаны определенные шаги в этом направлении. Может быть, новую страницу открыла смерть Л. Брежнева? Но какие--то программы перестройки разрабатывались еще при его жизни. Возможно, простой и однозначной окажется датировка по времени появления понятия? Вот когда был провозглашен курс на перестройку, тогда она и началась. А как тогда быть с разницей во времени между провозглашением курса и достижением первого результата? Нам хорошо известно, что декларация не просто может значительно опережать реализацию, но и последней может и вовсе не наступить.

Таким образом получается, что есть следующие этапы воплощения события: замысел -- декларация -- достижение результата (которое тоже может иметь свои этапы). Теперь за пределами внимания остались только так называемые истоки. Их действительно можно понимать как причины. Что являлось причиной перестройки? Глубокий экономический кризис? Да, конечно. Но есть множество других стран, чье экономическое положение еще хуже, однако это не приводит к перестройке.

А вдруг правы те, кто говорит, что причиной перестройки стало «тлетворное влияние Запада»? Ну, что ж, не без этого, конечно. Но на Польшу, например, это влияние было еще сильнее. И почему именно в этот момент, а не раньше и не позже?

Предлагаю спорную интерпретацию. Перестройка началась в период оттепели при Н. Хрущеве. Именно тогда формировалось мировоззрение тех молодых людей, которые спустя 20 лет пришли во власть. Но львиную часть этого периода СССР возглавлял Л. Брежнев, а мы уже говорили, что поддержание старого требует значительно меньших усилий, чем внедрение нового. Поэтому действительно смерть Л. Брежнева была одной из существенных причин начала перестройки.

Как человек немолодой, я должна с некоторым унынием заметить, что существенный рывок в развитии нашей страны по новому пути будет реален тогда, когда властные структуры любого уровня покинут те, чье мировоззрение было сформировано до оттепели и, что печальней, после нее, но до начала перестройки.

Запас революционного энтузиазма социума на сей день исчерпан именно потому, что доля его носителей в населении невелика. А к тому времени, когда к власти придет поколение, сформировавшееся после начала перестройки, путь, на который мы встали после смерти Л. Брежнева, уже не будет революционным.

Кстати, отчасти этим объясняется смена периодов реформ периодами застоя. Но об этом мы поговорим чуть позже.

Однако из всего вышеизложенного следует, что основой реального события является событие ментальное. Ведь в конце концов из любой ситуации объективно, без учета специфики конкретного социума, может существовать множество выходов. Реализуется тот, который существует в ментальности, в представлении социума. Проще говоря, для того, чтобы увидеть выход, надо знать о его существовании и считать его приемлемым. Самый очевидный пример -- способы борьбы с оппозицией. Можно просто перестрелять всех оппозиционеров; можно арестовать их и направить на тяжелые, но необходимые социуму работы; можно ущемить их в правах; можно стремиться переубедить; можно постараться дискредитировать их в глазах общества и тем самым лишить его поддержки (о том, как это повлияет на дальнейший ход событий мы уже говорили в предыдущей главе -- общество должно либо поддерживать, либо хотя бы быть индифферентным властную группу или личность).

В результате конкретный социум выбирает тот способ решения проблемы, который, во-первых, допустим для него с точки зрения нравственности, а во-вторых, власть умеет применять. А это опять--таки значит, что «модель» события должна предварительно существовать на интеллектуально--психологическом уровне.

Но датировать по подобному основанию реальное событие настолько хлопотно и сложно, что становится просто нереальным.

Несколько проще определять дату зарождения события, если она связана не с постепенным изменением ситуации, как в случае с перестройкой, а с другим конкретным событием.

Например, истоки Второй мировой войны безусловно следует искать в несправедливом мирном договоре по окончании Первой мировой войны. С этой точки зрения Вторая мировая война действительно началась в 1914 г.

Наверное, понятно, что ничуть не легче обстоит дело с определением конца события. Ход рассуждения здесь аналогичный. Только роль замысла несколько иная: можно предположить, что концом события становится исчерпанность замысла. Иначе говоря, когда достигнуто все, что было задумано, событие завершилось. Однако это не совсем так, вернее, очень редко так.

Замысел рождается в «голове» одного социума, но реализуется в соприкосновении с другим. И этот другой социум может иметь (и как правило, имеет) другой замысел, который и стремится реализовать. М. Горбачев явно задумывал не ту перестройку, которая получилась. «Молодые реформаторы» стремились к совершенно иным результатам проводимых реформ.

И уж совсем очевидно это в случае со Второй мировой войной. Германия, конечно же, совсем по--другому «задумывала» и ход событий, и результат войны. Здесь об исчерпанности замысла вообще говорить невозможно. Реализовался -- да и то частично -- замысел СССР, возникший уже после начала Великой Отечественной войны. Почему отчасти? Потому что в замысел входило превратить мировую войну во всемирную революцию. Но эта идея натолкнулась на конкретное противодействие союзников.

Кстати, о союзниках и трансформациях их замыслов можно было бы тоже говорить долго и интересно.

Так или иначе, видимо, датой окончания события можно считать достижение некоего оптимального компромисса в реализации замыслов социумов -- субъектов события.

На этом мы, пожалуй, завершим разговор об историческом времени, хотя некоторых моментов будем еще неоднократно касаться. Но прежде, чем вообще закрыть тему, вспомним о личном времени. Выше мы лишь вскользь упомянули о нем, теперь же попытаемся соотнести его с временем космическим и историческим.

Но тем, кто равнодушен к богословской антропологии и космологии, советую следующий раздел пропустить.

ВРЕМЯ И ВЕЧНОСТЬ

Мне хотелось бы ввести изучение исторического процесса в контекст космологических категорий христианства.

Уникальность Христа как события в мире и в истории в гуманитарно-- культурном, этическом, социальном, наконец, эсхатологическом аспектах настолько очевидна, что даже не обсуждается (не дискутируется). Гораздо реже эта уникальность рассматривается в метафизическом смысле. Причин, вероятно, несколько, и все они субъективны. Метафизика как таковая – равно как и космология – не поле для поиска «гуманитарных» умов. Еще одной причиной, связанной с первой, является некая робость гуманитариев перед лицом бурного развития естественных наук, техники и технологии: Христос в виде формулы или, по крайней мере, жестко определенного термина представляется чуть ли не богохульством.

Однако прежде, чем перейти к конкретной теме, необходимо определиться в терминах. В данном контексте в ряде случаев я буду называть Бога просто «нечто». По сути это абсолютно верно, поскольку Бог -- Тот, к кому неприменимы никакие позитивные определения, кроме превосходных степеней -- Тот, кто бесконечен и безначален, неизменен и невидим, т. е. нечто. При этом -- существующее нечто.

Первое и основополагающее для нас понятие – «вечность». Вот как определяет ее Ф. Шид: «Вечность Бога означает, что Он обладает целостностью Своего бытия не в последовательных актах, как мы, а в одном акте... Он бесконечная активность и одновременно всецелая неизменность». Это означает, что в вечности ничто не изменяется, она не имеет начала и конца, в нее невозможно войти и из нее нельзя выйти. Именно поэтому вечность – атрибут Бога и, вообще--то, только Бога.

Мир создан из ничего. В ничто сошло нечто, привнесшее сущность и, следовательно, существование. Именно в этом источник мистического ужаса, о котором пишет, в частности, Хайдеггер, страха Божьего. Именно поэтому поиск смысла жизни (сути, сущности жизни) -- глубинная потребность человека. Человек, висящий на ниточке Божественной воли над бездной ничто, «инстинктивно», как ребенок, хватается за все, чтобы укрепить свою связь с нечто, чтобы избежать возвращения в ничто, возвращения, которое, по сути, страшнее смерти. Таким образом, тварный мир находится между нечто и ничто. Поскольку мир возник в результате «процедуры» изменения ничто, основная его характеристика -- изменчивость (в отличие от неизменности нечто и неприменимости этого понятия к ничто). Изменчивость проявляется прежде всего в двух основных всеобщих измерениях: времени и места.

Однако это означает, что никакое действие Бога не может быть одноразовым и даже более того, дискретным. Если Бог сотворил мир, то Он творит его вечно. Тогда если Христос воплотился, умер и воскрес, то и это происходит всегда. Как подобное утверждение соотносится с историческим событием Воплощения и вообще с историческим процессом, мы поговорим позже. Понятие вечности часто употребляется также по отношению к духовным существам и душам. Но это некорректно. Во--первых, духовные существа и души тварны, т. е. они имеют начало, во--вторых, они совершают отдельные действия, ограниченные во времени. Для временной протяженности такого рода – имеющей начало, но не имеющей конца – можно употребить понятие присносущности. Ф. Шид определяет его несколько, на мой взгляд, причудливо:

«Существует специальный термин – „присносущность“ -- обозначающий длительность духа, сущность или субстанция которого неизменна, хотя сам дух может испытывать приводящие изменения и в этом отношении он также находится во времени, но в так называемом дискретном времени, а не в непрерывном времени материальных объектов». Если пользоваться всегда по определению ущербными аналогиями, то вечность – как Солнце, светящее вне зависимости от того, видим мы это или нет, а духовные сущности – как лампы, которые включа-

ются время от времени, но не перестают существовать, будучи выключенными. Однако для нас важно то, что присносущность – это не вечность, и войти в нее или выйти из нее можно, хотя вопрос о соотношении присносущности и вечности особо сложен именно потому, что мы можем лишь строить о нем гипотезы, которые нам не дано проверить в ходе земной жизни.

Третий и последний термин этого ряда – «время». Время – это длительность, имеющая начало и конец, внутри которой возможны изменения и действия, как дискретные, так и непрерывные. В потоке времени пребывают материальные объекты. «Неизменности Бога соответствует Вечность; непрерывной изменчивости материи соответствует Время. Время – это длительность того, что изменяется, как вечность – это длительность того, что не изменяется». Вопрос о возможности перехода из времени в присносущность и в вечность, а также обратно по сути есть вопрос о возможности перехода материи в дух, в том числе и Божий. К этому мы еще вернемся.

Аналогично определяется триада «вездесущность – бесконечность – пространство». Вездесущность – атрибут Бога, связанный с отсутствием в Нем составных частей, с одной стороны, и тем, что Он пронизывает все бытие всех вещей, с другой. Это тоже весьма важный и интересный момент, вновь отсылающий нас к тезису о сотворении мира из ничего. «Абсолютно все вещи поддерживаются в существовании не чем иным, как непрекращающимся желанием Бога, чтобы они продолжали существовать». При этом, вероятно, следует говорить не только обо всех вещах, но обо всех их составных частях. Таким образом, если воспринимать желание Бога как силу, то Бог вездесущ в том смысле, что в любой вещи присутствует божественная составляющая. Иначе говоря, совершенно «материальных» (в рамках противопоставления «духовным») вещей не существует. Но и к этому мы еще вернемся.

Бесконечность – как и присносущность – атрибут тварных сущностей, имеющих начало. Интересно заметить, что если разговор о присносущности духовного воспринимается спокойно, то разговор об их ограниченности вызывает протест. Стала более, чем привычной мысль, что протяженность имеют только материальные объекты, только они могут занимать место в пространстве. И если второе верно, то первое – спорно. Эта спорность имеет право на существование в рамках разговора о форме как еще одном атрибуте материи. Именно по этому пункту современной физикой был нанесен сокрушительный удар. Выяснилось, что есть вещи, совершенно очевидно не являющиеся духовными в общепринятом смысле, но не обладающие формой. Если же форма не есть необходимый атрибут материи, то, возможно, протяженность тоже может оказаться свойственной духовности. Что, например, мешает нам представить себе ангела по аналогии с той же лампочкой, включающейся по воле Бога и имеющей свой радиус освещенности? Или же мы должны говорить о «псевдодуховных» объектах – волнах, энергиях и т. п. – или же о «квазиматериальных» объектах, обитающих в бесконечности, например, об ангелах?

Согласно «Краткому словарю философских терминов» форма налагает на вещь определенный способ бытия, является принципом ее упорядоченности, структурированности, качественной определенности, завершенности. У Аристотеля и Аквината форма организует материю вещи, дает индивидуальной вещи реальное бытие. В этом определении речь идет о взаимосвязи формы и материи. Но что тогда определяет духовные творения?

Таким образом, форма -- сущность вещи. если у духа без материи нет сущности (поскольку нет формы), то он, очевидно, не существует. Если действительность не имеет сущности -- она не существует. Чтобы попытаться это понять, посмотрим, что такое материя. По Аристотелю это нечто, способное обретать форму, по Аквинату -- то, что нуждается в форме, чтобы дать вещам бытие и индивидуальность, по Бергсону -- «нечто протяженное в пространстве, непрерывно начинающееся заново настоящее».

Если все верно, то тварный дух для обретения сущности и существования действительно нуждается в форме, т. е. в определенности и, следовательно, в материи. Тогда можно начинать

размышлять о воскрешении прославленной плоти, телесном взятии на небо Девы Марии и, наконец, о воскресении Христа. Иначе говоря, о неразрывности духовного и материального в тварном мире -- как видимом, так и невидимом.

Подобный подход вызывает протест потому, что явно или имплицитно мы различаем духовное и материальное как сознательное, воспринимающее и перерабатывающее информацию, и «глухое». Сюда же относятся воля и ее свобода, самосознание и пр. Но рассматриваемые в таком аспекте, духовное и материальное никак не связаны с теми метафизическими проблемами, о которых мы говорим. Нет никаких оснований утверждать, что нечто, имеющее волю, не может иметь пространственное и временное измерения (не в качестве части духовно--материального субъекта, а само по себе). Тогда волны материальны, ангелы духовны, но это никак не отражается на их месте в пространственно--временном континууме.

Пространство как «место обитания» материи характеризуется сосуществованием «чисто материальных» объектов, имеющих несотворенную духовную (в варианте желания Бога) и материальную (занимающую место в пространстве) составляющие; а также объектов, имеющих еще и тварно--бесплотную составляющую (обладающих телом и душой), и объектов бесплотных, чья материальная составляющая не занимает места в пространстве.

Подобные утомительные попытки разграничения духовного и материального на метафизическом уровне заставляют меня отказаться от них и предложить рассматривать материю как одну из форм существования духовного. На мой взгляд, это достаточно перспективное направление размышления. Так же для упрощения заменим понятие материи на «плоть», а тварного духовного на «бесплотность», употребляя понятие «дух» только по отношению к Богу.

Тогда в вечности/вездесущности пребывает Бог, в присносущности/бесконечности -- тварные объекты, не обладающие плотью, во времени/пространстве -- тварные объекты, обладающие плотью. При этом Бог присутствует на двух других уровнях Своим непрекращающимся желанием как составной частью всего сотворенного, тварные бесплотные объекты присутствуют на «плотском» уровне как составная часть одушевленных существ.

Казалось бы, стало чуть понятнее. Но это только иллюзия. Возникли новые и весьма сложные вопросы:

-- -- если в вечность нельзя войти и из нее нельзя выйти, то либо человека не ждет вечная жизнь, либо она у него и так вечная. Во втором случае становится профанацией вопрос о спасении;

-- -- если Бог не подвержен изменениям, то Он либо вечно совершает акт творения, либо никогда его не совершал;

-- -- если мир поддерживается в существовании вечным желанием Бога, а Бог неизменен, то мир -- в том числе и плотской -- вечен;

-- -- если Иисус Христос -- Бог, то Он вечен и неизменен. Тогда либо Он постоянно рождается, умирает и воскресает, либо этого никогда не происходило. Существует еще ряд «дурацких» вопросов, но пока хватит и этих.

Для первого из сформулированных недоумений путь к решению лежит через Божественный замысел (естественно, вечный) и его воплощение. Спасение -- адекватное воплощение Божественного замысла, слияние тварного и нетварного. Тогда речь должна идти не столько о вечном творении, сколько о вечном и все более полном воплощении. Это же касается и материи: наиболее полное воплощение Божественного замысла о материи -- дух. Именно поэтому мы ожидаем воскресения плоти, преображенной в соответствии с замыслом о себе. Поскольку бесплотное еще не есть духовное, то спасения требуют и тварные бесплотные существа.

Если вспомнить историю творения, то человек был создан как синтез двух начал -- плотского и бесплотного, что изначально предопределило для него возможность осознанно существовать в двух мирах -- пространства/времени и присносущности/бесконечности. Если чисто плотские тварности не могут по собственной воле стать бесплотными, а бесплотные -- плот-

скими, то человек может актуализировать обе свои составляющие. Однако хотя в любом творении присутствует духовная составляющая, актуализировать ее значительно сложнее. Бесплотные существа и бесплотная составляющая в человеке обладают способностью сознательного выбора и осознанного стремления. Однако осознанное стремление означает наличие идеала. Только в воплощении, смерти, воскресении и вознесении Иисуса Христа были соединены все миры и слиты в едином замысле все составляющие. Как только через человека плотской мир может, преображаясь, присутствовать в мире бесплотном, а мир бесплотный – в плотском, так только через Сына Божьего человек может присутствовать в мире духовном. При этом Сын Божий воплощен и постоянно воплощается, проходя те же ступени, в каждом из нас, но в Иисусе Христе воплощение достигло своего идеала, т. е. полного соответствия замыслу. В любом человеке воплощается Сын Божий и, в соответствии с его свободным выбором, либо преображает, либо нет его плотскую и бесплотную составляющие.

Еще одно. Ничто как противоречие в определении не является абсолютным. Две пересекающиеся параллельные прямые – противоречие в двухмерном пространстве, снимаемое в пространстве трехмерном. Снятие противоречий – путь к воплощению Божественного замысла не только для человека, но и для всего мира, включая ничто. И этот путь метафизически лежит через Иисуса Христа.

Но история имеет дело не с отдельными личностями, а с социумами. Социум сам по себе является весьма парадоксальным образованием. Состоя из пространственно определенных элементов, он сам таковым не является. Время его существования не совпадает с временем существования ее элементов. Можно было бы сказать, что его нет, если бы мы по собственному опыту не знали, что он есть. Замечу, что сравнение с ульем или косяком рыбы не корректно, поскольку социум многомерен, и человек является одновременно членом нескольких социальных групп, состав которых не пересекается. Как и человек, социум имеет плотскую и бесплотную составляющие, но бесплотная доминирует. Но если человека сотворил Бог, то социум -- результат разделения и противопоставления, он возник как плод грехопадения в широком смысле -- нарушения воли Бога. Вспомним хотя бы историю с Вавилонской башней. Это важный нюанс, к которому мы еще вернемся.

Но обратимся вновь к соотношению космологических категорий. Есть ли во времени что--то, чего нет в присносущности и в вечности? Да, изменчивость, а вслед за ней -- конец, смерть. Как я уже писала, в идеале изменения должны вести ко все более адекватному воплощению замысла. Но это в идеале. В реальности изменения ведут к распаду. Должны ли мы предполагать, что распад и есть наиболее адекватное воплощение замысла? Видимо, да, но не всеобщий распад, а уничтожение разделений, возникших в результате отображения во времени вечного образа. Этот вечный образ -- Царство Небесное. Существование реального социума основано на разделении. Преодоление этого разделения приводит к смерти соответствующего социума. В этом и состоит суть исторического процесса. Однако страх смерти, распада порождает прежде всего инстинкт самосохранения со всеми вытекающими последствиями -- борьбой за выживание любой ценой.

Но ему также должно соответствовать нечто в присносущности. Все многочисленные противоречия реального исторического процесса сведены здесь в борьбу добра и зла, света и тьмы. Но в чем смысл этой борьбы? Проблеме возникновения зла посвящено такое множество богословских трудов, что даже поверхностный их обзор увел бы нас вдаль от рассматриваемой темы. В абсолютном измерении добро -- это соответствие замыслу, зло -- противоречие ему. Но в измерении конкретном -- тварном -- все несколько сложнее. Замыслу Божьему противостоят личные умыслы, лишь в некотором смысле соответствующие ему. Любое действие несет зло одному своему субъекту и добро -- другому. Война планируется как причинение зла одной стороне ради блага другой. Снятие разделения вынуждает зло конкретизироваться. Именно это соответствует присносущности.

Но в вечности -- в Царстве Небесном -- нет уже и этого противопоставления, ибо в вечности невозможна динамика, а следовательно, и победа.

Вездесущность, бесконечность и пространство могут быть проанализированы аналогично. Смерть личности (в частности) есть прежде всего распад ее пространственного воплощения. Смерть социума -- бесконечного. Но здесь речь идет не столько о преодолении разделения, сколько о преодолении отделения, ограничения.

Тогда суть исторического (в широком смысле) процесса состоит в преодолении двух атрибутов, противоположных божественным: ограниченность и составной характер.

И, следовательно, вопрос о возможности перехода «материи» в «дух» и исчезновение связанного с ней пространственно--временного мира решается однозначно: это не только возможно, но и необходимо. Вероятно, столь же необходимо исчезновение, переход присуще--бесконечного мира в вечно-- вездесущий, но об этом нам сложно судить обоснованно.

Однако есть ли у всех этих размышлений прикладное значение? В методологическом аспекте -- да, поскольку они позволяют по--иному осмыслить вопрос «что?», что именно происходило в некоем месте в некое время.

Это становится возможным в связи с введением в исследование исходной точки и конечного пункта земной истории. Появляется как бы эталон, с которым можно сравнивать реальные события. Правда, этот эталон имеет умозрительный характер, поскольку все сведения о Царстве Небесном получены из мистического опыта.

Я думаю, что вряд ли кто--либо будет спорить с тем, что традиционная история как наука никого и ничему не учила (я имею ввиду практическую -- политическую и социальную -- сторону). Предлагаемый подход придает науке моральное измерение и прогностическую функцию. Ведь в конце концов, в чем смысл изучения истории, если не в том, чтобы понять наш путь, цель, смысл происходящего. По сути именно соотношение постоянного воплощения Замысла с историческим Воплощением и есть смысл истории.

Тогда мы имеем две триады: «Замысел -- Богочеловек -- человек» и «Замысел -- Царство Небесное -- общество». Богословие учит, что воплощение Царства Небесного на земле -- это Церковь. Здесь не место для дискуссии на подобную тему, отмечу лишь, что если это так, то далеко не все согласятся пребывать в Царствии Небесном -- слишком уж много пороков у его земного воплощения. Церковь объясняет такое положение тем, что она -- не только святая, небесная, но и грешная, земная. Но это утверждение несколько удивляет -- не помешала же Богочеловеку Его земная составляющая оставаться безгрешным... Видимо, пора вернуться к тому важному нюансу, о котором я уже упоминала -- происхождение социума из грехопадения. Если Богочеловек -- Сын Божий, рожденный прежде всех веков, то социум -- «сын греха». И тогда если Богочеловек сошел от Отца на землю, то социум должен подняться к Нему. И в принципе этот процесс давно начался -- с того исторического момента, когда на смену разделению пришло объединение. Точнее, такая тенденция существовала всегда -- объединение родов в племя, всевозможные империи, затем союзы, блоки... Параллельно, но в том же направлении идет размывание различных социальных категорий.

СУЩЕСТВУЮТ ЛИ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ «ПОСЛЕ РАДОСТЕЙ НЕПРИЯТНОСТИ...»

В предыдущей главе мы говорили о том, есть ли цель у исторического процесса, и я старалась показать, что есть, что история человечества -- это не бесконечное и бессмысленное кружение бесчисленных судеб. Но если я права, то, по--видимому, должны существовать исторические закономерности.

Осознание специфики гуманитарной науки и ее методов, как известно, относится к к. XIX -- н. XX вв. В неокантианской школе формулируется тезис, что «науки о культуре» изучают индивидуальные явления, а «науки о природе» -- общие законы.

М. Вебер писал: «Для естественных наук важность и ценность „законов“ прямо пропорциональна степени их общезначимости; для познания исторических явлений в их конкретных условиях наиболее общие законы, в наибольшей степени лишенные содержания, имеют, как правило, наименьшую ценность... В науках о культуре познание общего никогда не бывает ценным как таковое...».

Правда, при этом он отмечает, что в области наук о культуре познание общего, образование абстрактных родовых понятий и знание правил, попытки формулировать «закономерные» связи вообще не имеют научного оправдания, но они -- не цель, а средство познания. То есть на самом деле их нет, но с их помощью легче проводить исследование. Честно говоря, я бы сказала, что проще придать историческому произведению, по сути относящемуся к искусству, наукообразный вид.

Но со временем все же победила точка зрения, согласно которой исторические закономерности все же есть. И среди всех критериев определения конкретно--исторических закономерностей наибольшее внимание привлекает пространственный.

Собственно исторические законы подразделяются на три группы. Первую составляют закономерности универсального (надрегионального) действия. Их, по вполне понятным причинам, очень мало, и они очень общие. Например: производственная деятельность человечества начинается с обработки камня и кости, затем глины и бронзы, затем железа и т. д. Это действительно общая закономерность, но важна она в основном в общетеоретических разработках, когда мы говорим о человечестве в целом.

К закономерностям второй группы относятся закономерности, повторяемость которых ограничена пределами одного стадийно-- формационного региона. Например, в эпоху феодализма в Европе после периода раздробленности постепенно побеждает тенденция к образованию централизованного государства. Таких закономерностей уже больше и они более конкретны. Их изучению посвящена где--то половина исторических исследований, и в частности, сюжетов из второй части данной книги. В них тоже нет места отдельной личности, да и конкретному социуму как правило тоже.

Закономерности третьей группы -- закономерности сугубо регионального действия. Им посвящена вторая половина исторических исследований и конкретных сюжетов данной книги. Особенности истории конкретной страны вызывают на сцену и людей -- лидеров, создателей произведений искусства, ученых и пр.

Если закономерности первого типа оперируют понятиями на уровне социума, то они относятся скорее к области социологии, а не истории. История занимается все же скорее конкретикой -- мы говорили об этом в самом начале: она отвечает на вопросы «кто», «где», «когда» и «что сделал». А если это «человечество» «на Земле» «в ходе своего развития», то это уже не история.

Пространственно--временную ограниченность исторических закономерностей отмечают многие исследователи. Однако немало и тех, кто считает не существующими закономерности второго и третьего типа и предлагает как раз ограничиться общесоциологическими законами, поскольку история вообще есть наука об уникальном (об этом мы еще поговорим.) И максимум того, что она может сделать -- конкретизировать, уточнить проявление общесоциологических законов в конкретном месте в конкретное время.

В результате такого подхода, то есть упования только на конкретизацию общесоциологических законов и отказа от поиска специфических исторических закономерностей, сфера потенциального выявления конкретно--исторических закономерностей оказывается существенно уже реальной практики, реального фактического материала исторических исследований. Есть, например, типы хозяйствования, традиционные для конкретного региона, но не свойственные цивилизации в целом. Они развиваются по своим законам. Кто будет их изучать?

Общесоциологические законы необходимы, но остается выяснить, на основании каких социологических законов должен решаться вопрос о том, кто был автором Повести временных лет -- Сильвестр, Нестор или еще кто--нибудь? Как выглядел протограф Повести 1606 года? Где пролегали караванные пути? и так далее, т. е. как решать традиционные, повседневные исторические задачи, особенно не ориентированные на классовую борьбу, экономику и тому подобное.

Представляется, что сфера действия общесоциологических законов глобальней, глубже, но одновременно и уже, чем сфера действия конкретно-- исторических закономерностей. Уже, потому что не учитывает и не может учитывать всего исторического многообразия.

Кроме того, если конкретно--исторические закономерности есть только конкретизация общесоциологических законов для данных условий, то о какой прогностической функции исторической науки может идти речь? М. А. Розов же считает (и я в этом с ним солидарна), что «анализ прошлого позволяет нам исследовать закономерности настоящего и наметить пути развития будущего». Впрочем, об этом мы уже говорили и еще будем говорить.

Но каково содержание этих специфических конкретно--исторических закономерностей? Представляется, что закономерности передачи от поколения к поколению унаследованной деятельности (например, традиционного землепользования), закономерности изменения деятельности в связи с изменением ее условий (например, развитие производства в связи с новыми научными открытиями), закономерности взаимовлияния и взаимообусловленности различных видов деятельности (например, стили в искусстве) и деятельности в целом и конкретных условий (например, то, о чем мы уже говорили -- влияние биосферы на мировидение социума) -- это и есть специфические конкретно--исторические закономерности.

Есть одна загвоздка. Если закон -- это внутренняя существенная и устойчивая связь явлений, обуславливающая их упорядоченное изменение (а это стандартное его определение), то для его формулирования необходимо хотя бы определить, что понимать под явлением в историческом исследовании, иначе сложно представить себе внутреннюю существенную и устойчивую связь между чем и чем предстоит выявлять историку. Связь между Словом о полку

Игорева и первой мировой войной? Между битвой на реке Калке и созданием Российской академии наук?

И здесь опять--таки наиболее рациональным мне кажется обращение к конкретным историческим исследованиям. В последнем разделе этой главы мы еще поговорим о том, что такое «элементарное историческое событие» или «исторический факт», на основании сопоставления которых только и могут выявляться исторические закономерности.

Однако в основе любого анализа фактического материала лежит некая гипотеза. Краткий обзор мнений историков, в основном отечественных, по поводу содержания понятия «конкретно--историческая закономерность» приводит к выводу, что она имплицитно представляет собой элемент некой картины мира, основным смыслом которой является передача образцов деятельности и ее продуктов от поколения к поколению, т.е. во времени, а также в пространстве. И об этом мы тоже еще поговорим в одной из следующих глав.

А сейчас сосредоточим свое внимание на проблеме, волнующей как сторонников наличия исторических закономерностей, так и его противников. Это вопрос об альтернативности в истории. К нему мы и перейдем.

«НАЛЕВО ПОЙДЕШЬ...»

Прежде всего отмечу, что я занимаю следующую позицию: случайность -- это непознанная закономерность. В силу этого ни о каком абсолютно случайном повороте событий я говорить не считаю возможным.

В то же время это не означает, что я отрицаю саму возможность вариативности исторического процесса, однако понимаю ее следующим образом: исторический процесс в целом состоит из совокупности процессов более частного характера. По каким--то законам развивается все человечество, по другим -- европейские страны, отдельные регионы, социальные группы, науки, виды искусства, семьи и отдельные личности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.